

Елена Усачева

БОЛЬШАЯ КНИГА УЖАСОВ 73

Дом Трех Смертей
Гость из царства мертвых

Елена Александровна Усачева
Большая книга
ужасов – 73 (сборник)
Серия «Большая книга
ужасов», книга 73

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30077942

*Елена Усачева Большая книга ужасов, 73. Дом Трех Смертей, Гость из
царства мертвых:*

ISBN 978-5-699-97860-1

Аннотация

Не важно, верите ли вы в призраков, – главное, держитесь от них подальше! Герои этих историй встретились с призраками... и оказались в центре опасных и непредсказуемых событий. Ведь гости из царства мертвых редко приходят в наш мир с добрыми намерениями.

В сборник вошли две повести «Дом Трех Смертей» и «Гость из царства мертвых»; «Дом Трех Смертей» печатается впервые.

Содержание

Дом Трех Смертей	5
Глава I	6
Глава II	27
Глава III	44
Глава IV	66
Глава V	84
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Большая книга ужасов – 73

Елена Усачева

Серия «Большая книга ужасов»

© Усачева Е., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

*** * ***

Дом Трех Смертей

Глава I

Сумасшедшее Тарлу

Никиту обманули. Сказали, что летом он поедет в совершенно сумасшедшее место. Мама подчеркивала – су-масшед-ше-е. И добавляла: «Как ты любишь».

Это было мамино слово – «сумасшедший». Она и Никиту так называла:

– Никитос, ты сумасшедший!

Потому что он любит забираться в заброшенные дома. Вы думаете, таких в городах не осталось? Что это только в деревнях да умирающих военных городках? Ха! Заброшенные дома есть везде. Никита составил карту своего района, где значками отмечал изученные заброшенности – где было интересно, а где обитают агрессивные бомжи. Впрочем, с бомжами всегда можно разойтись. Во второй половине дня они обычно выходят из убежищ, и вот тогда дом оказывается в твоём распоряжении.

– Тебе понравится в Тарлу, – уверяла мама. – Там есть заброшенный завод.

Никита был на покинутых заводах, в бывших ремонтных мастерских – ничего интересного. Огромные заводские цеха, гулкие и холодные, щербатый кирпич, крошки цемента под ногой. Каждый звук неприятным шуршанием расползается по полу. От этого начинает казаться, что ты не один. Что

здесь есть кто-то еще. Обитатель былых времен, например.

Старые дома, где еще сохранились вещи, – это совсем другое дело! В них можно найти давно умершие предметы – битые тарелки, древние журналы, застывшие, как мумии, пиджаки и пальто.

Короче, много уже где побывал. И всегда ему говорили, что это опасно. Опасность только притягивала! Он ходил в недостроенную больницу – бетонные стены, шершавые проемы окон, незаделанные швы плит на полу. Парни, с которыми он пошел, уверяли, что это самое проклятое место. Что многие приходившие сходили с ума и выбрасывались из верхних этажей в колодец между корпусами. Даже место показывали, куда обычно падают. Сверху пяточок чистого бетона выглядел зловеще. Все заросло травой и кустами, трудолюбивая зелень взорвала прочное покрытие, оставив нетронутым светлый участок асфальта. Словно кто-то специальным порошком сыпал – чтобы всегда было видно, куда приземляться.

В мистические истории и призраков покинутых мест не верилось. Если больница так сносила людям крышу, что все кончали со своей жизнью, – то кто об этом рассказывал? Откуда столько свидетелей?

Так что никакой мистики. Один обман.

Во всех заброшенных домах когда-то жили люди. Теперь живут в другом месте. Бывшие жильцы оставили после себя вещи. Для них это было старое и ненужное, для Никиты –

новое и интересное.

Мама обещала Никите новое.

– Поселок так и называется – Сумасшедшее Тарлу.

Никите бы сразу заподозрить недоброе. Мама никогда не одобряла его прогулок по заброшенностям. Пару лет назад ходила с ним, боясь, что ее мальчика обидят. Безропотно забиралась на подоконники, лезла в завалы. В их районе тогда ломали старые пятиэтажки, и Никита пропадал в чужой выкинутой жизни. Потом мамины нервы сдали. Она устроила пару скандалов и взяла с Никиты слово, что он никуда больше не полезет. Никита пообещал. Но как раз в это время закрыли детский сад в соседнем квартале и надо было торопиться, пока не заколотили окна на первом этаже.

Это была самая счастливая неделя в его жизни.

Мама все узнала, опять его отругала, опять взяла с него слово. Никита пожал плечами, пообещал, что больше никогда... Смотрел в окно, прокручивал в голове план: в общегитии около метро в подвале сломан замок, и пока никто не знает...

А потом мама как-то вдруг поверила в Никиту. Молча стирала перепачканные джинсы, зашивала куртки. Сохранялось одно условие – тщательно мыться после таких вылазок.

И вот эта мама, недовольно поджимающая губы каждый раз, когда Никита говорит «Я все сделал, пойду поброжу по улице»; эта мама, с таким брезгливым лицом рассматривающая его кроссовки после возвращения; именно эта мама

сказала:

– Место просто сумасшедшее! Называется Тарлу. До войны там жили финны. Потом осталось нашим. Представляешь, сколько там заброшенных домов! А еще старый ЦБК. Финны строили! И плотина. На ней электростанция стоит. Еще там несколько озер. А в семи километрах метеоритное озеро! Представляешь?

Представил. Очень хорошо представил. Бескрайний город после ядерного взрыва. Множество заброшенных домов. Над всем этим нависает бумажный комбинат. Он огромный. Невероятно огромный. Из голых окон струится туман. Обломки кирпичей как будто только что упали, клубится пыль. Еще он представил широкую реку. Она шумит, она бурлит. Эту реку преграждает высокая плотина. Такая же высокая, как комбинат. Вода бесшумно падает с высоты. В гробовой тишине начинает стучать гидростанция. Город темен. Город ждет...

Сам не понял, почему все это именно так увидел, почему думал, что ему дадут целыми днями где-то лазить, что плотина и гидростанция непременно большие. Что все бурлит. Что все потрясает. Он никогда не видел гидростанций. И целлюлозно-бумажных комбинатов тоже никогда не видел. Даже на картинках.

Теперь увидел.

Но главное, что он упустил в своих мечтах, а мама мудро не напоминала, – это баба Зина. Двоюродная бабушка. Он

же к ней ехал. И то, что он не включал ее в свои планы, было большой ошибкой.

О том, что у него есть двоюродная баба Зина, говорилось постоянно. В основном из-за ее мужа. И обязательно добавлялось, что они «су-ма-сшед-ши-е».

Дядя Толя был родом из Ленинграда, отучился там на школьного историка, по распределению попал в Казахстан. Позвал с собой невесту, бабу Зину. Она поехала.

– Вы представляете? В дикие края! К монголам! – неизменно разбавляла свой рассказ комментариями какая-нибудь родственница.

Почему к монголам, если в Казахстане живут казахи, Никита не спрашивал. Из Казахстана молодая семья уехала на Камчатку. Тогда жителям Дальнего Востока платили большие деньги. С Камчатки несколько лет назад они вернулись в Питер, а оттуда поехали в Тарлу. Хотели остаться в Сортавале, но там не нашлось места учителя. А в Тарлу было. И для дяди Толи, и для бабы Зины. Комбинат в поселке работал всю, что делало Тарлу самым богатым районом Карелии. Но вот комбинат закрыли, взрослые разъехались, детей в школе стало мало. К этому времени сын дяди Толи и бабы Зины отучился в летной школе Люфтганза и уехал жить в Германию.

– Су-ма-сшед-ши-е... – вздыхала мама.

Про бабу Зину вспомнили после похорон родной бабушки Никиты. Тогда Никита впервые и увидел родственников,

о которых шли такие веселые разговоры. Дядя Толя был высокий, крупный, с седой головой, с маленькими торчащими усиками. Из-за роста казалось, что он чуть надменно смотрит на всех сверху вниз. Улыбки его были снисходительными. А баба Зина была невысокой, черноволосой, полной и очень улыбчивой. Говорила она быстро, успевая одновременно делать множество вещей. Это Никиту с его спокойной мамой тогда сильно удивило.

Бабу Зину с дядей Толей в своих мыслях о лете и постапокалиптических фантазиях Никита не учел. А ведь ехал именно к ним. Баба Зина настояла. Прямо-таки зазывала в гости, рассказывала о красотах края, о том, какая малина там растет, какая картошка вкусная, какое озеро замечательное. А ребята? Какие там ребята! Чистый воздух, тишина, птички. Еще развалины, да, развалины. Это уже добавляла мама, которая вдруг решила с подружкой ехать в пансионат:

– Представляешь, как все удачно складывается?

Никита не представлял, но согласился поехать. Тем более развалины... Поездом до Петрозаводска, оттуда автобусом до Сортавалы, а потом на такси.

– Извини, старик, встретить не сможем, – гудел в телефонную трубку дядя Толя, кидая внуку странное обращение. – Но мы ждем. С нетерпением! Возьми такси. Или на автобусе до Питкяранты, попроси высадить на повороте. Там пять километров всего по грунтовке пройти. Извини еще раз. Мы очень ждем! Все готово. Твой приезд – это замечательно!

Никита посмотрел на свой рюкзак – не то чтобы большой, но все же рюкзак – и решил, что такси проще.

Машина бодро пробежала расстояние до того самого поворота, откуда было «пять километров всего по грунтовке».

– А тут ездят? – с сомнением спросил водитель, парень с худой шеей и оттопыренными ушами.

– Ездят, – уверенно соврал Никита.

А может, не соврал. Откуда он знает, ездят тут или нет. Дорога выглядела приличной. Широкая. Похоже, недавно по ней прошлись грейдером. Было странно, что водитель спрашивает. Он же сам видит – все нормально. Или нет? Может, там какие провалы? Или зыбучие пески: наедешь колесом – и через минуту от машины ничего не останется, только след будет тянуться от поворота.

Никита сморгнул. Сыпучие пески в Карелии... Скорее сыпучий гранит. Его здесь много.

Машина мягко перевалила через откос и покатила вниз. Слева и справа тянулись поля, заросшие высокой травой. Изредка то тут, то там среди поля появлялись деревья – елки и что-то лиственное. Вдалеке около дерева стоял человек. Именно стоял, не шел. Прирос к месту и на дорогу смотрит. Никита обернулся на водителя, но тот старательно тянул шею, чтобы из-за руля лучше видеть дорогу – что-то он в ней все-таки подозревал.

Никита вздрогнул, когда понял, что, оглянувшись, не видит стоящего человека. Он не мог уйти, чтобы его совсем не

было видно. Спрятался? Или показалось?

– Черт! – выругался водитель, объезжая рытвинку и тут же вписываясь передним колесом в заросли чертополоха. Чертополох тут правил: огромный (выше человека), разлапистый.

Машина вильнула. Под колесами зашуршали мелкие камешки. Справа появилась табличка «Тарлу». И совсем неожиданное «Добро пожаловать». За табличкой Никита приготовился увидеть те самые разрушенные дома, которые обещала мама, и комбинат. Тоже сильно подразвалившийся.

Но за табличкой ничего нового не появилось. Плотная стена деревьев отгородила убегающую влево накатанную машинами дорогу. Справа все еще тянулись заросли очень высокой травы. Дорога, по которой они ехали, стремилась к горизонту. Он был близко – забраться на недалекий взгорок – и ты в другой части мира. Мотор натужно гудел. Из-под колес полетел щебень. Никита задержал дыхание.

В другой части мира была все та же дорога, по сторонам нарисовалось больше кустов.

На обочине мелькнул человек. Черный длинный пиджак, черные прилизанные волосы. Он стоял чуть в глубине зелени. Как памятник. Прятался.

– Чего это? – Никита вывернулся на сиденье.

– Чего? – Водитель весь ушел в дорогу.

– Человек!

– Да какой тут человек! Мертвое место!

Никита медленно сел ровнее. Странно. Ему опять показалось?

Он резко обернулся, но они уже уехали далеко, за деревьями ничего не видно.

Водитель крепче взялся за руль. Ему тоже что-то кажется? Куда они едут? Что это за дыра?

Дорога вильнула. Справа непроходимая чаща кустов. И то ли из-за того, что Никита начинал злиться, то ли из-за того, что и кусты, и высокая трава ему надоели, он не сразу разглядел среди зелени крышу дома. А когда заметил, то увидел и сам дом – двухэтажный, деревянный, вход по центру, два крыла в три окна.

Вот и сумасшедшее Тарлу началось. Дорога стала ухабистой, появился разбитый асфальт.

Теперь дома выступили уже и слева. Деревянные двухэтажные коробки, темные от времени, даже как будто немного покосившиеся. От водоразборной колонки тетка несла ведра.

Вот это да! Вода из колонки! Заметил, что рядом на крючке висит зеленая кружка. Проплыло еще два таких же двухэтажных монстра. А дальше провал, как выбитый зуб: курились обуглившиеся балки, нелепо торчали высокие, на два этажа, печи.

Никита ничего не успел сообразить.

– О! Недавно горело, – обрадовался водитель. – Еще до конца не раскидали.

– Что? – не понял Никита.

– Барак.

Никита выкрутил шею, чтобы увидеть то, что называется таким странным словом. Так вот что это за деревянные дома. Это бараки. Он их по-другому представлял. Думал... думал... что они на землянки похожи.

– Давай я тебя здесь высажу, – предложил водитель. – Чего-то дальше дорога мне совсем не нравится.

И словно подтверждая его слова, из ближайшего переуллка выбрался, сильно переваливаясь с борта на борт, «Лендровер», ухнул передними колесами в ямину, натужно загудел, выбираясь обратно на дорогу.

– Ну давай, мне пора, – торопил водитель.

Такси уехало, оставив Никиту... оставив Никиту...

Это было похоже на большую автобусную площадку. Но никаких автобусов здесь, конечно, не было. Справа торчал стенд с обрывками объявлений. За ним была детская площадка. Впереди виднелся длинный одноэтажный магазин. Половина его была заколочена, над крыльцом другой половины висела табличка «Продукты». Около крыльца мелкая девчонка в сапогах и растянутой кофте на велосипеде старательно, одну за одной, засовывала себе в рот конфеты. Фантики летели на асфальт. На багажнике велосипеда сидела девчонка помельче, держа перед собой белый пакет. Вид багажная девчонка имела отстраненно-равнодушный. Словно она всегда тут сидит и никогда с багажника не слезает. Слева

торцом к... к... пусть будет к тому, на чем стоит Никита, не к автобусной остановке, а к площади, центральной площади стоял барак. Теперь Никита знал это слово. Дверь барака распахнута. Около нее на лавочке устроился дед и замершим взглядом смотрел на Никиту.

Чтобы прогнать странное чувство, что в спину ему тоже смотрят, Никита вскинул рюкзак и отправился по дороге туда, куда не отважился заехать таксист.

Шел и понимал – обманули. Месяц в этом захолустье, где даже автобусов нет, если захочется сбежать – то пять километров пехом до трассы. Деревянные бараки...

Бараки он видел в Суздале. Они с мамой приехали туда зимой на Масленицу и провели там несколько дней. Вместе бродили по заброшенностям. Попадались все больше как раз бараки. Меньше местных и совсем ветхие. Из каких-то выехали, где-то еще жили древние старушки. Комнаты были полны никому не нужных вещей – поломанных диванов, вытасченной из шкафов одежды, рассыпанных журнальных листов. Связка писем. Потрепанный мишка с опущенной головой. Шутник развесил на стенах большого размера бюстгальтеры. Они с мамой ходили по расшатанным ступенькам, заглядывали в крошечные комнатки с провалившимся потолком, представляя, как тут жили, что где стояло. В одной квартире нашли сундук. Большой. Он еще сохранил зеленую краску обивки. Никита долго ковырялся, чтобы открыть его. Внутри оказались старые пальто, тяжелые, негнущиеся. От

них неприятно пахло.

На площадке заскрипели качели. Две девчонки пытались оживить древнюю конструкцию. Занятие привычное – они не отвлекались, сосредоточенно раскручивая карусель. Из кустов выглядывал угол дома – «Почта».

Сильно! Еще не совсем край света, есть почта. Люди куда-то отправляют письма и открытки. А что тут с Интернетом? Никита достал телефон, связь была. Была и эсэмэс от дяди Толи с сообщением, что внука ждут, что от площади надо ехать прямо. Вот он и «едет».

Слева подряд несколько каменных двухэтажных домов. Крыльцо по центру... А вот и обыкновенные деревенские домики. Рядом с одним три трактора разной стадии разборки. На колесе последнего сидела светло-рыжая кошка.

– Никита! – громко сказала кошка, удобней подбирая под себя лапки. – Что же ты не звонишь?

Никита застыл.

– Никита! – тявкнула собака на крыльце, лениво почесала себя задней лапой и посмотрела в глубь огорода. Там около будки сидела на цепи огромная псина и равнодушно смотрела на собрата. Рядом с будкой на кривом ящике пристроился бюст Ленина. Свеже-серебряный, недавно подновленный.

– Никит! – строго сказал Ленин. – Ты чего не отвечаешь?

На плечо легла рука, и Никита чуть не присел от неожиданности.

– Старик, ты чего тут застыл? – Дядя Толя запыхался. – Я

за тобой бегу, бегу... Не догоню никак.

Никита посмотрел на трактор, на собак, на Ленина. Дядя Толя двумя руками развернул его к себе:

– Это не наш дом. Ты поворот прошел. – От торопливости усы дядя Толи топорщились.

Никита не смог сдержаться и еще раз оглянулся – больше никто с ним не заговаривал. Опять показалось?

– Пойдем! – Дядя Толя крепко его обнял, заставляя забыть о говорящем Ленине. – Ты чего такой задумчивый? Не узнал, что ли? Зина блинов напекла, чай заварила. Это хорошо, что ты приехал. А машина где? Уже отпустил? Тебе у нас понравится! Обязательно.

Он повлек внука обратно, решительно ведя его за плечо. Через несколько домов свернули направо. За спортивной площадкой виднелась школа. Эти здания имеют какой-то свой, особенный вид, с ними не ошибешься.

Увидев дом бабы Зиной, Никита еще больше загрустил и снова подумал про обман. Мало того что ничего сумасшедшего в этом Тарлу не было – так, обыкновенная всеми забытая дыра, – еще и жить придется в старом доме в три окна.

Дом был деревенский: скатная крыша, крыльцо с резными перильцами, занавески на окнах. И все бы ничего, но к дому прилагался весьма внушительный огород. Всячески ухоженный, с геометрически-ровно разлинованными грядками.

– Вот хорошо! Вот славно! – запричитала на крыльце баба Зина. – Какой помощник ко мне приехал! Вот славно!

Славного не оказалось ничего. Потому что после чая с блинами Никиту повели в огород. Он пытался увидеть разницу между грядками с репой и редисом («Отменный редис! Мы уже едим!»), отличить зелень огурцов от зелени кабачков, постичь необходимость прямо сейчас начать окучивать картошку. Но прежде чем все это сделать, надо было срочно бежать с ведрами на колонку и натаскать в бочку воды. До вечера она погрееется, можно будет поливать.

– Зачем? – окончательно запутался в сложных отношениях бабы Зины с ее посадками Никита.

– Чтобы росло быстрее!

Никита покосился на пасмурное небо. Быстрее, значит...

– Ты смотри! – басил дядя Толя. – Не хочешь – не носи. Это так, для разминки! Ты, главное, тут отдыхай побольше! Воздухом! – Он шумно вдохнул. – Воздухом дыши! Он тут живительный. С народом общайся. У нас отличные ребята! Пара дней на акклиматизацию – и забудешь, что жил еще где-то, а не здесь.

За калиткой послышался характерный всплеск и шуршание – так велосипед проезжает по неглубокой луже. Обернулся.

На велосипеде ехал высокий крепкий парень, темная челка падает на глаза. Смотрит перед собой. Делает вид, что едет здесь просто так.

Никита усмехнулся. Вот и местные подтянулись.

Порадоваться этому событию он не успел, потому что дя-

дей Толей ему было выдано ведро.

– Вон туда! Видишь колонку? – с улыбкой показывала баба Зина. – По тропке, через канавку досочка. Выжимаешь рычаг – вода льется.

Льется, значит... Он был совсем не против поносить воду. Почему бы не размяться после долгого сидения. Заодно и местность можно осмотреть. Под благовидным предлогом.

Никита подхватил сразу два ведра – что он, с двумя ведрами не справится? Видел он, как бабка лихо их несла. Но дядя Толя мягко забрал одно ведро, мягко похлопал по плечу: «Старик, ты начни...» Никита недовольно сопел всю дорогу до колонки – не верят в него. А потом забыл про обиды, потому что нести полное ведро оказалось не так просто. Вроде десять литров, они же десять килограммов, не так много.

Но вода оказалась тяжелой. От ходьбы она важно колыбалась в алюминиевых стенках, мягко обнимала края, все время норовя выплеснуться. Идти приходилось чуть отклонившись. А тут еще «досочка» через канавку, тропинка, будь она неладна, такая кривая, что одно неверное движение – и нога съезжает в мокрую траву.

Когда Никита пришел второй раз, около колонки на корточках сидела девчонка. Показалось, что он ее уже видел. Ну да, это же она, оседлав велосипед, одну за другой жрала конфеты. Это она с мелкой подружкой издевалась над скрипучими качелями. Теперь заявила сюда. Ведро девчонки под носиком колонки было уже полным, но хозяйка его не уби-

рала, а смотрела, как падают последние капли. Они сотрясали ровную поверхность, рождая круговые волны. Девчонка была сосредоточенна.

Она не могла не видеть и не слышать, что подошел Никита, но упорно смотрела в свое ведро. Вода больше не капала, но мелкая продолжала смотреть. Никита качнул ведром, предупреждаяще скрипнув. Что делать с такой малолеткой, он не знал. Была бы кошка...

Но вот наконец девчонка тяжело вздохнула, поднялась, подхватила ведро и как-то подозрительно легко понесла его прочь.

– Приехал, – буркнула она.

– Что? – удивился Никита. Впрочем, после истории с собаками и Лениным он решил больше ни на что не обращать внимания. Сумасшедшее – так сумасшедшее, что с них взять?

На третий его приход около колонки нарисовались две девчонки постарше. Высокие, с распущенными волосами. Эти волосы им очень мешали пить воду из ладоней. Одна, наклоняясь, давила на рычаг, волосы сползали, она заправляла пряди за уши, другая подставляла под струю воды руки, но растрепавшаяся прическа заставляла ее выливать набранное, чтобы закинуть непокорные локоны за плечи. Напор был сильный. Вода в ладонях расплескивалась. Девчонка морщилась. Волосы были в водяных брызгах. Никита ждал. Скрипнул дужкой.

Понятно было, что пришли они специально. Посмотреть. Это же деревня. Но вредные девчонки не торопились. Пили, трясли волосами. Та, что держала рычаг, глупо хихикала.

Никита глянул по сторонам. Колонка тут наверняка не одна. Есть еще за площадью. Но идти туда... Весь поселок на-сматрится.

Надо отсидеться дома. Часа через три аборигенам надоест караулить его здесь и он спокойно наберет воды.

Никита снова качнул ведром, вздохнул, собираясь идти обратно. И увидел через дорогу неожиданный знак – белый треугольник с черным силуэтом паровоза. В красной рамке.

– Тут есть железная дорога? – От удивления он не сразу заметил, что спросил вслух.

– Была станция, – выпрямилась та, что пила, прядь прилипла к мокрой щеке. – Но она давно закрыта. Станцию растащили. – Она утерла губы, размазав помаду. У нее было бледное лицо и такие же бледные глаза. – Она там, по Березовой аллее идти надо.

Название аллеи Никиту удивило отдельно, потому что никаких берез он здесь не видел. Елки и кусты. Еще сосна была. Но это на въезде в поселок.

Пока он смотрел в указанном направлении, девчонки ушли. Никита поставил ведро на камень под носиком.

Сумасшедшие...

На пятом ведре он устал. Вот если бы эти десять килограммов в охапке носить, было бы легче... а с дурацким вед-

ром тяжелее. Еще эти невинные развлечения местных: проходы по дорожке туда-сюда. Словно им срочно надо из одного конца улицы в другой.

– Ладно, отдохни, – смилостивилась баба Зина, выглядывая из парника с чем-то сильно разросшимся. Что может расти в парнике? Арбузы? – Походи по поселку, с ребятами познакомься. Они у комбината околачиваются.

Никита сдержался, чтобы не сказать, что он с ними уже познакомился и больше всего ему понравился Ленин.

За калиткой снова проехал на велосипеде давешний черноволосый парень. Это понятно. Улица в поселке одна. Ездить можно только здесь.

Ни с кем знакомиться Никита не собирался. Заряда в телефоне хватит до вечера, за Интернет он заплатил вперед. Сейчас заберется куда-нибудь, усядется поудобней и «отдохнет». Хорошо бы это место оказалось позаброшенной. Что там говорили про комбинат?

Улица являла все ту же хмарность.

Не сказать, чтобы поселок любил движуху. Улицы не были запружены людьми. Проехал в обратную сторону уже знакомый «Лендровер». Почта была закрыта. На площади перед магазином никого. Дед все так и сидел на крыльце барака. Около входа в магазин нарисовалась ободранная кошка. Мысль о том, чтобы зайти внутрь ознакомиться с ассортиментом, у Никиты пропала – рано еще до такой степени погружаться в суровую действительность. Кошка проводила

его равнодушным взглядом.

Никита пошел дальше, миновал колонку, почувствовал тяжесть в плечах. С водой – это он попал. А еще ведь огород надо вскапывать, рыхлить, пропалывать. Откуда у него эти знания?

За соседней колонкой чадили останки дома. Вдоль дороги росли кусты, как будто еще мокрые после дождя, и вполне логично было ожидать за ними чего-то мирного, но там валялись головешки. Дом сгорел полностью, стен не осталось, торчали обгоревшие бревна. И печки. Двухэтажные. Печка с плитой на первом этаже, дальше труба, печка с плитой второго этажа. Четыре таких столбика. Восемь квартир. Сильно. На втором этаже на плите печки все еще стояла кастрюля. Даже крышкой, кажется, прикрыта. Отсюда не очень видно. Кастрюля Никиту поразила.

– Это Аэитами сжег, – произнесли рядом с Никитой.

Никита всмотрелся в кастрюлю. Если здесь кто и знал правду, то это кастрюля, единственный оставшийся свидетель.

– Аэитами. А перед этим всё дождало.

Опять девчонка. Мелкая. Сегодня они все были для Никиты на одно лицо. Видел, не видел – непонятно. В сапогах по голое колено. Это самое колено девчонка сосредоточенно чесала. До красноты уже отработала место, но не останавливалась, жмурилась от наслаждения.

– Что? – осторожно переспросил Никита.

Тут главное – не нарываться. Могут быть буйные. За что-то ведь такую кличку поселку дали.

– Аэйтиами... – Девчонка еще и жвачкой чавкала. – Гореть не должно, потому что дождь. А тут Васька жил. Он теперь у тетки.

Девчонка оторвалась от коленки и уставилась на Никиту. Ничего у нее во взгляде не было. Просто посмотрела и пошла прочь. Никита потянул из кармана сотовый.

Это же понятно... Если что горит, так это Аэйтиами виноград. И Васька.

Сфоткал кастрюлю. Выбрал получше ракурс, с задымлением, повесил в соцсеть.

Никита ничего не понимал в пожарах, не видел их никогда раньше. Головешки чадили, как будто огонь только-только погас. Но людей не было, как не было и вещей. Их растащили, а значит, прошло уже какое-то время. День, пара дней.

Никита ходил по головешкам, перешагивая обгоревшие балки, боясь наступить на гвоздь. Тут их почему-то много торчало. Он приблизительно вычислил, где находилась входная дверь. К ней вела хорошо утоптанная дорожка. И даже железная решетка у порога сохранилась. Справа от нее торчал невысокий столбик. По щиколотку. Никита забрался на него, побалансировал. Столбик... А! Это же остатки лавочки! Ну конечно! Все вокруг истоптано, земля утрамбована до каменного состояния, а около столбика даже травка торчит. И в этой травке как будто что-то застряло. Никита при-

сел, ковырнул землю.

До этого он никогда ничего не копал руками. Если только песок, и то в детстве. Земля оказалась твердой. Песчинки набились под ногти.

– Пойдешь в прятки играть?

В этот раз Никита велосипеда не услышал, а он стоял рядом, и на нем восседал черноволосый хозяин. Он и спросил. Про игру.

– Илья, – протянул руку велосипедист.

Никита протянул свою в ответ и, увидев, какая она грязная, поискал, обо что вытереть. Илья терпеливо ждал, положив локти на руль.

– Не копай здесь. Не надо, – произнес он, пожимая протянутую наконец руку.

– Место нехорошее, – поддакнула не ушедшая еще девочка.

– Иди отсюда! – замахнулся на нее Илья.

Больше никто ничего объяснять не стал.

Глава II

Комбинат

К целлюлозно-бумажному комбинату шли недолго. Вернее, шел Никита, а Илья медленно ехал, выкручивая руль велосипеда, чтобы не упасть на отсутствии скорости. Следом старательно шлепала сапогами девчонка. По центральной улице мимо дома с Лениным, потом чуть на пригорок, через липовую аллею. Деревья здесь стояли удивительно для окружающего бардака неправильным ровным строем. Илья рассказал, что когда-то тут был парк. Теперь лес. За аллеей тянулась ветка железной дороги. Той самой, по которой поезд уже не ходит. А за ней после резкого поворота вдруг открылся мост. Из-под моста вырывалась вода и падала в спокойное озерцо.

– Вот и он, – сказал Илья, сползая с велосипеда.

Мост упирался в ворота с будкой охранника. На воротах красовалась старая, почти стертая некогда красная табличка «STOP». К проржавевшим прутьям крепились тонкие циркулярные пилы. Ворота были приоткрыты. За ними обнаружилась просторная площадка, заваленная чем-то деревянным, вяло прикрытым целлофаном и даже во что-то упакованным. Площадка заканчивалась многоэтажным изрядно побитым зданием, обшитым синим сайдингом. Несколько окон в правом крыле выглядели вызывающе новыми.

Остальные были заколочены фанерой или затянуты пленкой. Слева за зданием виднелись деревья, дальше что-то возвышалось. Темная каменная махина. Справа из-за деревьев торчал подъемный кран. Его длинная стрела нависала над сложенными упаковками досок.

Из сторожки вышел невысокий худой мужик в кепке. Никита приготовился к тому, что их сейчас погонят. При чем погонят по всем правилам – мужик был не какой-нибудь алкаш, а вполне приличного вида дядька, деловой такой. Но сторож совершенно равнодушно посмотрел, как они входят в ворота, и зашел обратно в домик.

Оказавшись на площадке, Илья свистнул. На штабелях с досками шевельнулись. Девчонка. Длинноногая и тощая. В руке книга, страницу заложила пальцем.

– Остальные где? – крикнул Илья.

– На вышке. – Тощая смотрела на Никиту. Странно смотрела. Прямо-таки вылупила глаза.

– Играть будем? – Илья пристроил велосипед в кустах.

– Они тебя уже видели. Сейчас прибегут.

И опять смотрит. Никита улыбнулся. А что еще делать, когда так смотрят?

– Он к бывшему историку приехал, – рекомендовал Никиту Илья.

Ничего не оставалось, как представиться:

– Никита.

– Хельга.

Девчонка спрыгнула со штабелей. Высокая. В футболке, хотя уже немного прохладно.

– Надолго?

– На месяц.

Лицо Хельги болезненно дернулось, словно именно этот срок что-то для нее значил.

– Он успеет! – выдала она неожиданно.

– Заткнись, – пошептал Илья, отворачиваясь. – Не слушай ее, – обратился он к Никите. – Она любит всякий бред. Вон и книжки читает про такую же галиматью. О призраках и привидениях.

Девчонка сунула книжку под мышку. Ее эти слова не задели. Она продолжала с любопытством изучать Никиту.

Топот ног, и вот из-за деревьев показались «остальные». Они уже вели себя нормально. Радостно познакомились: пара мелких пацанов в красной и синей ветровках – их имена Никита тут же забыл, – еще девчонка и довольно взрослый парень, представившийся Олегом, Илья к нему сразу обратился «Легыч». Каждый подходящий первым делом спрашивал, надолго ли Никита приехал.

– На месяц, – отвечал он.

Дальше они играли в прятки. В самые обыкновенные прятки.

Всю дорогу до комбината Никита думал, что словом «прятки» будет называться что-то другое. Потому что по возрасту из этой игры он вышел давным-давно.

Но это была именно та самая игра. С простыми правилами. Ведущий отходил к воротам, закрывал глаза и считал до двадцати, завершая счет всем известным «Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать. Кто не спрятался, я не виноват». Дальше нужно было искать разбежавшихся по площадке. Прятались за деревянными штабелями, в кустах, за углом корпуса. Если ведущий отходил далеко, то игроки могли добежать до ворот и освободиться. Мелкий в синей куртке один раз залез в собачью будку около ворот. Его подвела цепь. Никита стоял около штабелей, когда услышал грохот – синий уже почти вылез из будки. Но Никита успел раньше.

Освободившиеся от игры садились на потрескавшийся асфальт площадки и начинали резаться в карты. Колода нашлась у Легыча. Пока всех искали, успевали пройти по дватри круга.

Никита в прятки проигрывал. Местные знали все закоулки, а он слишком заметно прятался, еще и мелкие оказались шустрыми – очень быстро бегали. Игра неожиданно захватила, и уже хотелось оказаться последним ненайденным. Чтобы совсем не нашли, чтобы звали и восхищались талантом.

Хельга смилостивилась и согласилась вести.

– Один, два, три, – неспешно считала она.

Никита решил так закопаться в зелень, чтобы уже наверняка. Он все продирался и продирался сквозь кусты, торопясь залезть подальше. Но вот кусты закончились, и перед ним оказался покатый деревянный настил. Он вел через

небольшую канавку к сильно разрушенному корпусу комбината – массивному зданию из темно-красного кирпича. Настил перегораживала еле заметная нитка колючей проволоки. Проволока удивила, и Никита ее сфотографировал.

– Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать. Кто не спрятался, я не виноват, – послышалось издалека. Хельгу на самом деле звали Аней. Кто-то в пылу игры ее так назвал.

Под настилом сидел человек. Волком взглянул на подошедшего Никиту и вновь принялся ковыряться в земле. У него все для этого было – лопатка, щетка, железные заступы.

– Ну, чего встал? Проходи! – буркнул землекопатель.

– Так это ж... нельзя, – отозвался опешивший Никита. – Копать.

– А-а-а, – протянул человек, его светлые волосы были собраны в длинный хвост. – Новенький. Ну, добро пожаловать в наш ад. Неделью продержишься – считай, повезло.

Никита попятился. Неприятно смотрел этот незнакомец. Тяжелый взгляд исподлобья. Словно отмерял оставшуюся жизнь.

Надо было делать ноги – и Никита побежал, продрался сквозь кусты и, забыв про игру, вывалился на площадку, где был тут же замечен Хельгой.

– Ты чего такой? – рассмеялась она, отталкиваясь от ворот, застолбила.

Никита пожал плечами. Сказать, что увидел что-то странное? Да он каждую секунду странное видит. Вот сейчас ся-

дет на асфальт, сложив ноги по-турецки, – и это будет странно. Перемешает колоду. Начнет сдавать. И все это будет одним сплошным бредом. Так что пожелание продержаться как можно дольше – это еще цветочки.

Сдавать он начал на троих. Следом пришел мелкий в красной куртке – его засекли на штабелях, потом Илья – Хельга его обогнала. Они одновременно помчались от угла синего здания, но Илья тут же перешел на шаг, потому что Хельга на пару корпусов его уже сделала.

– Какой козырь? – спросил Илья, нагибаясь за картами.

– Пики, – буркнул насупленный красный.

Они с синим были жутко обидчивы и, если можно было доказать, что игрок мухлевал или был не прав, орали до хрипоты. Молчаливый Илья тогда давал им пенделя, потом равнодушно наблюдая, как мелкие летят по заданной траектории.

– Опять тебе, Ромочка, щелбаны собирать, – хмыкнул Илья.

– Сам соберешь, – фыркнул красный, оптимистично выкидывая на подброс козырь.

Илья козырь забрал и спросил:

– А ты чего не играешь?

Никита не сразу понял, что спрашивают его. Что это он сидит и смотрит на идущую по площадке Хельгу и не замечает накиданных ему зловредных шестерок.

– Да как-то странно все, – честно признался он. – Вы тут

бегаете, прыгаете... Копать у вас почему-то нельзя. Видел мужика, он сказал, что я дольше недели не продержусь. Что здесь ад...

– А ты ничего не знаешь? – удивился красный, опуская руку с картами. Из козырей у него был туз, из больших карт – дама червей, остальное мелочь. – Ты же к деду приехал!

– И чего? – связи Никита не уловил.

– Из-за комбината! – Красный опустил глаза, заметил открытые карты, прижал их к себе. – Его наши у финнов после Великой Отечественной отобрали. А финны обиделись и проклинали тут всё.

Илья кашлянул, не давая красному договорить.

– Это тебе лучше Хельга расскажет, – сказал он, – она у нас по мифам и легендам. Но ты особенно в голову не бери. Это все так, сказки. Считаю, что ты попал в историю про ведьм и колдунов. Они любят в развалинах жить. Вот и у нас... живут. Может, ты с ними и не встретишься.

Красный что-то прошептал и тут же получил от Ильи по затылку. Никита не расслышал. Да и не собирался слушать – он во все глаза смотрел на развалины комбината: за деревьями возвышалось что-то кирпичное с темной крышей. Краем глаза заметил, что красный привстает, пытаясь заглянуть к нему в карты. Щелкнул по любопытному носу:

– Не ночуй в чужом доме! – Сбросил карты. – Я там мужика видел. – Он встал. – Волосы длинные, в хвост собраны. А сам на орангутанга похож.

– Это Паша. – Илья тоже поднялся.

К ним шел надутый синий. Хельга громко кричала в кустах: «Вижу! Не прячься! Вижу!» Кусты с треском раздвинулись. Из них выскочила девчонка. Добежать до ворот первой она не успела. Хельга еще немного похрустела кустами и выскочила к воротам сразу за будкой.

– Ты меня обманула! – на выдохе орала девчонка. Никита пытался вспомнить ее имя. Что-то простое... Аня, Таня, Маня... – Ты меня не видела! Если бы ты не кричала!

– Еще Легыч. – Хельга пропустила возмущение подружки мимо ушей. – И Полинка.

– И чего Паша? – напомнил Никита.

Илья посмотрел в сторону кустов и промолчал.

Сумасшедшее, говорите? Да вообще дурдом!

Никита пошел вдоль синего здания налево, завернул за угол. Здесь корпус превращался в низкий белокирпичный аппендикс. Перед ним стояла ржавая конструкция с конусовидными приспособлениями. Что-то тут, вероятно, должны были ссыпать. За ним нечто высокое и узкое, из красного кирпича. Башенка. Заметно старше здания с сайдингом. Дальше шел длинный корпус, крытый черной полукруглой крышей. Такой же краснокирпичный. Такой же старый.

Никита почувствовал знакомое жжение в кончиках пальцев. Место было давно и безнадежно необитаемо, из окна тянулась тонкая березка. Лет двадцать надо, чтобы такая вытянулась. Он прибавил шаг. Бетонные плиты под ногами за-

кончились, началась утоптанная тропинка с лужами. Сначала широкая – машина проедет, – но быстро сузилась, заболотилась. Вывела к углу красного корпуса.

Здание выглядело так, будто его слегка погрызли снаружи. Кому-то в организме не хватило штукатурки, и он восполнил нехватку. Окошки в стене были разнокалиберные – пара круглых, два маленьких квадратных, ряд прямоугольных. На мгновение в душу Никиты закралось разочарование – по опыту он знал, что в таких зданиях ничего интересного нет. Но вот он прошел дальше, и сердце его ухнуло в пятки, толкнулось в горло и узнаваемо заколотилось в ожидании нового.

– Ух ты!

И почему он решил, что комбинат – один новый синий корпус? Комбинат был огромный, он состоял из множества старинных массивных, сложенных из красного кирпича зданий. Здесь были кирпичные трубы, башни с деревянными «головами», с глазами-окошками. От одной башни к другой вел длинный полуразрушенный наклонный пандус, обшитый деревом. Наверное, из одного здания в другое по этой крытой галерее что-то ссыпали или скатывали. Деревянные подгнившие ребра позволяли на просвет видеть пустоту внутренностей. Свисали верхние балки. Боковые щиты – там, где сохранились, – покачивались от ветра.

– Мощно, – прошептал Никита. Кажется, время в Тарлу он проведет неплохо.

– Ты туда особо не суйся, – предупредил идущий следом

Илья. – Рухнуть может. Если наверху хорошенько попрыгать – точно обвалится. Пацаны как-то пробовали раскачать – чуть не навернулись.

Никита покивал. Он уже понял, что приезжих здесь принято пугать. Под ногами оказалось что-то пружиняще-мягкое, оно уводило в небольшой овражек.

– Что это?

– Целлюлоза. Здесь бумагу делали. Целлюлозу получали из щепы, ссыпали в контейнеры. Там еще стружка, она занозистая.

Объем разрушений вдохновлял на подвиги. Хотелось срочно все тут изучить.

– Чего вы там копаетесь? – засмеялись сверху.

Хельга. Она как-то ухитрилась их обойти. Вроде мимо не проскакивала. Обманула опять.

– Она по лестнице, – скривился Илья. – Ты не ведись. Это она хочет на тебя впечатление произвести.

– Ой-ой, что застыли? – издевалась Хельга.

– Она всегда такая, – пробормотал Илья.

– А чего тут все бросили? – Никита вытянул телефон, сделал пару снимков. Надо маме показать, пусть порадует. – Ведьмы проклинали?

– Гринпис в конце девяностых закрыл, – буднично и неинтересно объяснил Илья. – Говорят, природу портил сильно. А был самым богатым в районе. Сюда все ехали деньги зарабатывать.

– А теперь?

– А теперь все едут отсюда.

– Другое бы чего тут построили...

Они пересекли овражек, под ногами оказалась не пружинящая целлюлоза, а вполне себе нормальный рубероид – им был выслан пандус к низкой пристройке. Войти в нее можно было справа или слева – и там и там тянулись лесенки с перильцами.

– Другое тут построить нельзя.

– Почему?

– Место проклято.

Никита усмехнулся. Начинаются знакомые страшилки.

С заброшенными местами всегда что-то связано. То убили кого-то неудачно – а он потом призраком в четырех стенах мечется, выталкивает из окон всех неугодных, то клад в кирпичи вмурован – а при кладе охранник, злой нетопырь с четырьмя глазами, по ночам воет, камешки бросает, бумагой шуршит, чужих отпугивает. Или бомжи. Еще могут крысы и гадюки ползать. В брошенных домах часто сыро, змеи любят такие места. Влажные, где золото закопано.

Ни одной из подобных историй Илья делиться не стал. Ну и ладно. Хотят темнить – их право.

Никита огляделся. Пандус был прикольный. Непонятные дыры в полу, ходы, перелазы. Первые шаги делал осторожно, дальше двигался веселее. Все, конечно, скрипело и норовило провалиться, но вроде держало.

– Основные цеха не здесь были, а там, – Илья показал на далекую зелень, из которой торчала полукруглая длинная крыша.

– Ночью вы сюда ходите?

– Ночью сюда нельзя! – крикнула Хельга, вновь ухитрившаяся обогнать их. Рядом с ней стояла забытая Аня-Маня.

– Привидения? – Никита дошел до конца пандуса.

– Проклятие Аэйтиами, – тихо произнес Илья.

Никита почесал в затылке. Что ни возьми – везде Аэйтиами мелькает. Дом сгорел – его работа, комбинат развалился – он же постарался. Веселый мужик, видать, был!

С площадки башенки было почти все видно – вон синий корпус, вон башня и корпус с полукруглой крышей, вон высокий домик с деревянной «головой», а вон река и что-то там на этой реке... Далекие дачные домики... И за ними – деревья, деревья, деревья.

– Туда зайти можно? – Никита показал на полукруглую крышу.

– Тут везде можно, – поморщился Илья. – Только осторожно. Были здесь любители ходить везде. Теперь...

– Теперь что?

– Теперь они на кладбище.

Бодрые ребята в Тарлу живут!

Внизу зашуршало, посыпался камень. Никита, накрученный собственными фантазиями, вздрогнул.

– Ого! Легыч! – обрадовался Илья.

В полу была хорошая дыра. Из нее вниз тянулась железная арматурина. По ней пытался забраться Легыч. Сопел, дрыгал ногами, но упорно подтягивал себя все выше. От напряжения запрокинутое лицо побледнело. Илья сразу куда-то сбежал, но скоро появился этажом ниже, ухватился за другую свисающую арматуру. Легыч перекинул себя через край ямы, полежал, набираясь сил, и выбрался окончательно.

– Круто! – оценил Никита. – А зачем?

Илья сорвался с арматурины, задумчиво посмотрел на содранные ладони.

– Чтобы было! – хмыкнул Легыч.

Он был невысок, крепок, низколоб. Коротко стриженные волосы подчеркивали этот низкий лоб.

Легыч сунул руки в карманы и сбежал по пандусу. Шаткая деревянная конструкция заметно задрожала. Спрыгнул на землю. Смело. Этот дурацкий пандус выглядит так, будто готов развалиться от сильного ветра.

– Здоров! – с кем-то поздоровался Легыч.

Никита прибавил шаг и увидел мрачного копателя Пашу. Сейчас он был особенно суров – сдвинутые брови, крупный нос с раздутыми ноздрями, пухлые, недовольно поджатые губы. Рядом застыл Легыч.

– Нашел?

Паша на вопрос Легыча нахмурился, медленно опустил голову, с сомнением потряс мешком. Звякнуло. Паша прислушался.

– Нет, – отозвался хрипло. – Так, ерунда. – И в упор посмотрел на Никиту.

Никита растерянно кивнул.

– Уезжай отсюда! – рявкнул Паша.

– Как? – прошептал Никита.

– Как приехал, так и уезжай. Хоть пешком иди.

Паша снова тряхнул мешком и прошел прочь. Было слышно, как его приветствуют ребята около элеватора.

Легыч хмыкнул:

– Ты его особенно не слушай. Это он так... пугает. У нас все хорошо со страшилками. Есть о ком рассказывать. О духах уехавших финнов, что до сих пор тут бродят и утаскивают с собой особо зазевавшихся. Паша с ними частенько встречается. Потому что клады ищет.

– Что ищет? – Никите захотелось еще раз увидеть этого большого и сильного человека, который, как оказалось, занимается такой ерундой.

– Клады, – повторил Легыч и легко топнул ногой. Никита зачарованно следил за ним. – Если покопаться – здесь столько всего найти можно! После войны финнов выгнали, они и взять ничего не успели. Что-то в землю ушло, что-то сгорело. Остальное люди находят.

Легыч усмехнулся и полез на гору битого кирпича, оттуда забрался в оконный проем большого корпуса и скрылся на втором этаже.

Никита смотрел на развалины. Ведьмы, значит... И при-

зраки. Отлично! Ночью они здесь не гуляют, потому что кто-то уже выпал из окна. А еще есть проклятье местных финнов. Просто замечательно! Интересно, это они на полном серьезе или на новенького его разыгрывают?

Второй этаж – гигантские гулкие помещения. Пол подминает под себя мох, тянутся к свету тоненькие годовалые безрезки, кое-где еще виднеется трескучее под ногой черное покрытие. В полу неожиданно обнаружились огромные круглые дыры. Никита постоял на границе одной из них. Высоко. И там такое же каменное пустое пространство.

– Здесь чаны стояли. – Легыч оказался с другой стороны отверстия, плюнул вниз, с любопытством проследил за плевком. – Железные котлы. В них целлюлозу варили. Чаны на металлолом сдали.

Сунув руки в карманы, он пошел вдоль окон. Было слышно, как хрустит кирпичная крошка под его ногой, что-то с грохотом повалилось.

Никита успел удивиться, потому что не видел, что тут еще можно разбить – все, что можно, унесли и разбили двадцать лет назад. Надо было спускаться, там посмотреть. И попробовать залезть на башни.

Поискал лестницу. Ага, вон какая-то. Ступеньки как будто специально освещены из оконного проема.

Почти дошел до лестницы, когда увидел, что по ней кто-то спускается.

Ничего себе у Легыча скорость... Вроде бы только что эта-

жом ниже шумел...

Но это был не Легыч, а кто-то другой. Шел медленно. Ноги как будто в рейтузах. Черных. Обтягивают икру, петелечкой перекидываются через ботинок. Ботинок черный, блестящий, узкий мысок. На идущем было что-то длинное, похожее на пиджак. В руке трость. На шее тонкая черная лента. Стоячий воротник белой рубашки. Волосы словно приклеены к голове – такими невозможно ровными они смотрелись. Волосы... Они удивили больше всего. Глядя на них, Никита понял, что человек не местный. И, поняв это, вскрикнул.

– Чего у тебя? – позвал Легыч от дальнего угла, где за круглым отверстием ломал пяткой подвернувшуюся палку.

– Там! – показал Никита.

– Пацаны пришли? – Легыч сломал наконец палку и ленивой походкой направился к Никите.

– Таааам, – неловко растянул слово Никита, потому что других слов почему-то не нашлось.

На ступеньках никого не было. Никита почувствовал неприятный холодок в груди, дыхание перехватило.

– Там стоял мужик, – прошептал он, пытаясь вспомнить лицо. Он так хорошо рассмотрел ноги в облегающих брюках, длинный пиджак, трость, прилизанные волосы, а вот лицо... Глаза странные.

– Какой мужик? – Проходя мимо отверстия, Легыч снова плюнул.

– Такой... – Никита растопырил пальцы, пытаясь показать

длинный пиджак. – И волосы еще такие. – Пальцы свет.

Легыч застыл, не дойдя до Никиты нескольких шагов. Пнул камешек, тот улетел в дыру. Руки в карманах, ссутулился. Присвистнул:

– Так это ты самого хозяина видел. Аэйтиами. Хреново дело.

Он собрался снова плюнуть в дыру, но тут что-то зашуршало. словно потащили по полу большой лист гофрированного железа.

Но это было не железо. Пошел дождь. Капли падали на листву, она глухо отзывалась на удары. Недовольно шуршала.

– Это который все жжет? – Неприятный холод полз по плечам, стекал в пальцы. Захотелось их сжать в кулак. Он ведь уже видел этого мужика... в поле. – И из окон выбрасывает?

– Хреново... – повторил Легыч. – Пойдем. Тебе Хельга все расскажет. Она книжек начиталась.

Глава III

Похороны кротики

Дождь нудел. Не сильный, не слабый. Противный. Лето, а зябко.

Мама прислала эсэмэс: «Как отдыхается?» Никита отбил ответ: «Треш». На что мама отозвалась смайликами и радостным «Я же обещала!».

Нет, мама, даже ты такого пообещать не могла.

Рядом с крыльцом дома бабы Зины стояло множество разнокалиберных бочек, баков, чанов и ведер. Странно, что Никита этого раньше не видел. И вроде днем он таскал воду куда-то в другое место.

– Вот! Никитка! Где ж ты был? А я уж волноваться стала. Первый день. Ушел. Мест не знает. Тут еще дождь. Тебя, никак, Обидин к друзьям утащил? Видела я его, шлялся он со своим велосипедом. На комбинате были или дальше, на плотине?

Баба Зина выстреливала слова не хуже пулемета. При этом бодро сновала по кухне, готовя стол к ужину. Никита стянул мокрые кроссовки. Сапоги он с собой не взял. Были шлепанцы. Если дожди зарядят всерьез, то ходить ему по улице босиком.

– А я тебя жду-жду, все в окно смотрю. Думала, помощник приедет – и за водой, и в магазин. За хлебом вот при-

шлось самой идти. А в баки воду так и не налила, все ждала, ты вернешься. А Обидина я этого поймаю – уши надеру. Ведь знает, чертяка, все знает. Я еще с его отцом поговорю!

Носки тоже были мокрые. Никита поморщился, ступая на пол – ногам сразу стало холодно. Мама так же на Никиту ворчала, когда он поздно приходил с прогулок. А если еще и испачкался или куртку порвал, то тут причитаний на весь вечер. До ночи звучит один голос, мамин. Возражать или что-то доказывать бесполезно. Поэтому он и молчит. Ему бы сейчас, конечно, в свою комнату побыстрее попасть, посмотреть, что там ребята на его фотки написали, новые повесить...

– А грязный-то какой! Это где ж ты так изгваздался? Это где ж твои глаза были? Вроде взрослый парень. Можно ведь лужу обойти.

Джинсы его и правда выглядели так себе. Но это ничего. У него чистые есть. А эти высохнут, он потом ототрет. Или сейчас ототрет, пока мокрые...

Поковырял пальцем травяную зеленку на колене и, вклиниваясь между воспоминаниями об отношениях с родителями Обидина и проклятиями в адрес самого Обидина, произнес:

– Мне про Аэйтиами рассказали.

– Так, – остановилась баба Зина, прижимая к себе крышку от сковородки. – Они тебе уже и голову задумали. И кто ж там такой разговорчивый?

– Правда, что старый хозяин, уезжая, проклял тут все? Что закрыл дом свой заклятьем на четыре угла, да на густой лет, да на большу воду, да на свою кровь?

Вспомнилась Хельга, ее распахнутые глаза, разметавшиеся по плечам волосы, как она шептала в уже наступавших сумерках: «И взял Аэйтиами свечу, и капнул воском в четыре угла, брызнул заговоренной водой на все стороны света и замкнул свое заклятие на птицу, на зверя, на пот свой да на живую душу. И проклял каждого, кто переступит порог его дома – а дом его вся Финляндия. И полоснул по руке так, что все вокруг залилось кровью...»

– Тут каждый, уезжая, проклинал! – Баба Зина выставила сковородку на стол. Жареная картошка. Со шкварками. Никита почувствовал, что желудок у него сейчас выскочит из горла и сам, без участия хозяина, накинется на еду.

– «Семьдесят три года все на этой земле будет гореть. Ничего не удержится» – так он сказал. – В точности цитаты Никита не был уверен. Хельга рассказывала сбивчиво – то про финнов, то про войну, то про русских, то опять про отъезжающих финнов, а то вдруг начинала шептать какие-то заклятия про бел-горюч камень Алатырь, которым все здесь запечатано.

– То-то, я смотрю, все полыхает. – Баба Зина громынула банкой с воткнутыми в нее столовыми приборами. – Иди мой руки и за стол садись. Лучше бы ты этого Обидина в глаза не видел.

– А комбинат закрыли, чтобы он не сгорел?

– Тьфу на этого Обидина! – Баба Зина села за стол, отвернувшись к окну, обиженно поджала губы. – Мозги у него горят.

Никита заторопился в свою комнату, но на пороге все-таки спросил:

– А Обидин – это кто?

Тут баба Зина заговорила о глобальном поглупении молодежи – мол, что никто никого не слышит и скоро все провалится к чертям, – и Никита понял, что разговор про легенду они завершили. Жаль. Никаких сомнений – мужчина в странном костюме на самом деле спустился с третьего этажа и недовольно на него посмотрел. А чего смотрел, что хотел сказать? Никита потом поднимался по ступенькам, делал там фотографии. Ничего не нашел. И если это призрак... Если он пришел за ним... Нет-нет, Никита не стал дальше думать – все это было неприятно и даже страшно.

Снимая джинсы, выронил телефон. Аппарат ударился, загорелся экран. Мама звонит? Нет. Открылся файл с фотографиями. Кирпичные стены, кусты, размытые лица.

Никита водил пальцем по экрану, заставляя картинки сменяться быстрее. Мелькнуло странное. Вернулся. Сгоревший дом. Печки. Тянутся вверх трубы. Одинокая кастрюля. Вьется дымок.

Увеличил кадр. Дымок. А это что? Похоже на поднятую руку. Кто-то стоял за печкой в тот момент, когда Никита сделал кадр. Шел мимо?

Тревога колотнулась внутри. Никто тогда мимо не шел. Он бродил среди головешек, мелкая стояла в стороне. Илья еще не подъехал. Никита бы заметил человека. Но он его не видел.

Никита пролистал оставшиеся фотографии. Ничего. Хмурый Паша, у Ильи челка закрывает глаза, насупленный красный. Развалины. Самые обыкновенные развалины.

– А ты, значит, на комбинат ходил? – начал вечернюю беседу за ужином дядя Толя. – И как тебе, старик, здешние места?

– Красиво. – Поджаренная картошка на вилке хрустела, хотелось ее есть, а не разговаривать.

– Ты прав, места потрясающие. Комбинат когда-то был мощный. При финнах он еще больше бумаги выдавал, чем в наши лучшие дни! Вот ты тут освоишься, оглядишься, и мы с тобой на Щучье озеро ходим. Великолепное место, старик, с прозрачайшей водой. А рыбалка какая! Финны знали, где дома строить. Вот ты ехал, видел вокруг поля – трава одна. А ведь раньше там усадьбы стояли, по-фински – хутора. В каждом жила семья, вели свое хозяйство. Друг друга могли месяцами не видеть. Заметил: поле, поле – и вдруг деревья? – Никита кивал. Деревья его не волновали. Он думал о другом. – Так вот деревья – это остатки садов, которые были около хуторов. Туда до сих пор за яблоками ходят да за ягодами. Какие-то странные сорта у финнов были. Столько лет, а все не вырождаются.

– Давай еще и ты детские сказки вспомни! – проворчала баба Зина, роняя вилку на тарелку. Вилка возмущенно звякнула. – Что все здесь заколдовано и ждет не дождется, когда настоящие хозяева придут. Для них и сохраняется.

– Для кого что сохраняется – не знаю, – бодро отозвался дядя Толя. – А вот есть настоящие истории, задокументированные, так сказать. После того как финнов выгнали, некоторые возвращались в дома, чтобы хозяйства свои проверить.

Баба Зина фыркнула. Никита положил себе на тарелку еще картошки.

– На самом деле было. Стали в доме новые хозяева жить. И вдруг дед древний приходит. Говорит, что дом этот его, что он перед войной пол перестелил, а две половицы сменить не успел. И что новая хозяйка как раз на эти половицы воду льет, он видел. А они уже старые, половицы-то. Сгниют быстро, если так и дальше делать. Посоветовал эти две доски поменять.

– Ха! – не выдержала баба Зина. – Так этого деда через границу и пустили. А то пограничников там не было. Ходи – не хочу!

– Ну, Зин, – протянул дядя Толя, с удовольствием откидываясь на спинку стула. – Они же местные. Им никакие границы не мешают. Они здесь все как свои пять пальцев знают. И через два-три года в лесах находили людей – жили они, уходить не хотели... Родная же земля... Деды, прадеды...

Никита посмотрел в окно. Низкая занавесочка оставляла

большую часть окна открытой. В нем Никита видел свое отражение и двоящееся отражение растения с блеклыми розовыми цветками.

Если бы сейчас с той стороны к стеклу прислонилось лицо или ладонь, Никита бы не удивился. Это было бы даже нормально. Для сумасшедшего Тарлу.

После ужина Никита сидел в своей комнате и слушал дождь. Дождь шуршал, погружая дом в воду, делая все вокруг сырым. Комната наполнялась водой. И звуками.

– Не спишь? – спросил дядя Толя.

Ага, поспишь здесь! Целый день пугали, сказок нарасказывали, а потом предлагают пожелать всем спокойной ночи и улечься в постель. Никита готов прямо сейчас отправиться на комбинат. Пускай страшно, но зато как интересно!

– Старик... ты на бабушку-то не сердись. – Дядя Толя пристроился на краешке кровати, откинув простыню. – Она ворчит... Поворчит-поворчит, да и перестанет. Ведь не со зла. А ты, значит, про проклятие узнал. Это хорошо... это местные легенды... Колорит, так сказать... Их тут много. Вот пойдем к Щучьему озеру, я тебе волшебную сосну покажу. Если ее обнять и загадать желание – непременно сбудется.

Про сосну и желание было неинтересно.

– А правда, что с тех пор, как прозвучало проклятие, каждый год кто-нибудь тонет?

– Вот уж не знаю про каждый год. – Дядя Толя прокашлялся. – Тут же река Янисйоки, пацанов много – понятно,

что тонут. А если вот дальше поехать, за поселок, река порожистой становится, так там и на лодках переворачиваются.

Про лодки тоже было неинтересно. Дядя Толя почувствовал это, помолчал. В темноте было слышно, как он тяжело дышит.

– Тут и тонуть не надо, – бодро отозвался он. – Вот в прошлом году на комбинате лазали пацаны – крыша обвалилась. Одного пришибло.

– Местного?

– Нет. Туристы были, – с явным облегчением в голосе произнес дядя Толя. – Местных-то осталось всего ничего. Раньше школа была большая, пятьсот детей. В какие походы ходили! А сейчас и ста не наберется.

– А когда это произошло?

– Да вот как комбинат закрыли в девяностые, так народ отсюда и поехал.

– Я не о том... – Никита хотел напрямую спросить про заведенного, но зачем-то стал подбирать другие слова, искать подходящие выражения, и у него это не получалось... – Ну о том... которого крышей.

– Да когда ж! – Дядя Толя поерзал на кушетке. Была она узкая и скрипучая. Никита только-только помещался, ногами немного упираясь в низкую спинку. – Да как раз где-то в это время. Лето было. Туристы. У нас же здесь завод и порог Леплякоски, на котором плотина стоит с ГЭС. Ты вот лучше на развалины-то эти не ходи, ну их. Ты на плотину сходи. Вот

где красота и мощь! И видно далеко. А потом как-нибудь мы на машине дальше проедем. Там и метеоритное озеро есть. Рядом с Хямекоски. Тебе понравится...

– Дождь тут надолго?

– А что дождь? Никому не мешает. Идет и идет, а мы своей жизнью живем. Куртку надел – и никакой дождь не страшен. Вот поедем на озеро...

Никита уставился в темноту над головой. Никакого потолка он, конечно, не видел, все окутала непроглядная серость. И из этой серости вдруг выступило хмурое лицо искателя Паши. Паша посмотрел тяжело и грозно сказал: «А ты что здесь делаешь? Иди отсюда!»

Никита вздрогнул.

– Дождь тут частенько... Однажды шел дождь из ракушек. Знаешь, бывает град. Это замерзшая вода. А тут падали крупинки извести. Они еще так загнулись. Как ракушки. Где-то, наверное, ветром подхватило да в облако унесло...

Никита мысленно прошелся по комбинату, постоял наверху пандуса, забрался по арматурине наверх, спустился по ступенькам и оказался около ворот с циркулярными пилами.

Около них кто-то стоял, Никита никак не мог понять кто.

«Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать! – сказал водящий. – Кто не спрятался, я не виноват!»

Закончил – и стал медленно поворачиваться. Никита вдруг страшно испугался того, что сейчас должен был увидеть, качнулся на кровати, ударился затылком о стену и

проснулся.

Дядя Толя сидел на кровати, раскачивался и молчал. Тишина нарушалась движением и на кухне – баба Зина что-то еще убирала.

– Хозяина этого кто-нибудь еще видел? – хрипло спросил Никита, звуками голоса прогоняя неприятный осадок от дремы.

– А ты видел? – Дядя Толя повернулся.

То ли тень так падала, то ли поворот был удачный – дядя Толя показался тоньше и выше.

Никита заворочался – говорить или нет о встрече? Что на это скажут дед с бабкой? Высмеют? Скажут, маленький, в сказки веришь, а домовой к тебе по ночам не заглядывает?

– Да я... – начал Никита, так ничего не решив, и вдруг осекся.

На кровати сидел не дядя Толя. К нему медленно поворачивал свою прилизанную голову Хозяин.

– Вот мы и встретились, – шепеляво произнес он. – Ты следующий!

И ринулся на Никиту. Под руками Никита почувствовал жесткую старую ткань. В нос ударил пыльный запах. Пыль сразу забила в горло, перебив дыхание, тяжелая ткань сдавила.

«Крышей завалило, – мелькнуло в голове. – Обрушилось, и одного прибило».

Но это не крыша, не крыша! Никита дернул ногами, сбра-

сывая с себя тяжесть, завопил, дернулся в сторону и упал. Тяжесть все еще лежала на нем, прижимала. Он высвободился, сел.

– Никитос? Что такое?

По глазам ударил свет. Никита сидел на полу, рядом с ним лежало старое пальто. В дверях застыл дядя Толя в пижамных штанах и вытянутой майке.

Никита огляделся. Он уснул, брыкнул ногами, и со стены сорвалось старое пальто... Такой вот сон выдал...

Коснулся щеки. Горячо. Еще и ударился.

Утро началось с воды. Баба Зина ждала заспавшегося внука. Сидела на кухне, сложив руки на коленях, смотрела в окно. Молчала, пока Никита ел оладьи с вареньем. Чай отдавал какой-то травкой. Синяк на скуле зрел, чуть постреливая неприятной болью.

Сон или не сон?

Никита вздрагивал. Сон. Иначе он и правда будет следующим.

– Воды принесешь? – напомнила баба Зина. И смотрит так, что можешь, конечно, не носить, но я была бы очень рада, если ты это сделаешь. Никита женщинам никогда не отказывал. Надо – принесет. А потом на комбинат рванет. Сумасшедшее место!

Дождя не было, но ощущение влажности осталось. Кроссовки не высохли. Помнилось об этом первые несколько шагов, потом температура ног и кроссовок выровнялась и ста-

ло все равно.

Как и вчера, в первый свой приход около колонки Никита никого не встретил. О давешнем трудовом подвиге плечи напомнили ноющей болью.

Никита отнес первое ведро. Вернулся.

Мелкая.

Сапоги на босу ногу, непонятный сарафан, вытянутая кофта, постоянно сползающая с плеча – девчонка дергала рукой, поправляя ее. В полное ведро нехотя падает последняя капля.

– Привет. – Никита сегодня чувствовал себя почти местным жителем. Можно было наводить мосты. Налаживать связи.

– Пойдем кротику похороним, – прошептала мелкая, низко склоняясь к своему ведру.

– Что?

– Кротику, – подняла лицо мелкая.

Никита молчал. Он вообще не понял ни слова.

– Ой, да ну тебя! – выдала мелкая, легко подняла ведро и ушлепала в своих сапогах.

Третий раз к колонке Никита шел осторожно. Поймал себя на том, что хочет выглянуть из-за ивы. Если там кто-то есть, лучше, конечно, подождать.

Никого. Никита подбежал к колонке, нажал на рычаг. Засмеялись. Никита напряг спину, замирая.

– Эй, ты! – слышался девчачий голос и снова смех.

Ведро наполнилось. Никита подхватил его неудачно – плеснулось через край. На кроссовку.

Опять засмеялись.

Обернулся. Вчерашняя Аня-Маня. С девчонкой. Тоже вчерашней, но не Хельгой. Эти с распущенными волосами все на одно лицо. Цирк, одним словом.

– Ой, а кто это тебя так разрисовал? – Аня-Маня показала на скулу. Никита сжал зубы. Тут главное – не поддаваться. Они первые сломаются, первые отстанут.

Хмурый Паша появился неожиданно. Если бы Никита смотрел по сторонам, заметил бы его раньше. А так оп – и вот он, Паша, в зеленой брезентовой куртке, в зеленых брезентовых штанах, в ботинках с высокой шнуровкой и с кепкой на голове. На плече рюкзак. Из рюкзака торчит рукоять чего-то... Может, и топора.

– Уезжал бы ты, парень, – четко произнес Паша, проходя мимо.

Никита вздрогнул, рычаг колонки в руке дернулся. Вода фыркнула, плеснулась.

– Что?

Звук скребанул по душе. Чего его все время гонят? Он только приехал.

Паша уходил. Никита подался вперед окликнуть, но засомневался, говорил ли ему этот странный Паша вообще что-нибудь.

В очередной приход к колонке опять появилась мелкая

в сапогах и кофте. Дергала плечом, поправляя сползающий рукав. Никита в нее уже готов был ведром запустить.

– Ну что? – по-деловому спросила она. – Пошли.

Спокойная уверенность, что сейчас все так и произойдет, Никиту доконала. Никогда с ним мелкие так не разговаривали.

Никита посмотрел по сторонам. Что говорил дядя Толя? Сколько жителей в поселке? В школе меньше ста, значит, взрослых вряд ли тысяча. Куда все делись? Бабки с дедками на лавочках. Джип вчера все рассекал. Какая-то еще машина, кажется, была. Мужик на охране. Ну еще баба Зина с дядей Толей. Баба Зина говорила что-то про библиотеку и клуб. Библиотека... Ладно, это вычеркиваем. Мелкие вот эти. Пара призраков.

Девчонка дернула плечом, не давая тяжелой кофте сползти.

– Последнее ведро отнесу, и пойдем, – согласился Никита.

Особой радости на лице мелкой не отразилось. Другого ответа она не ждала.

Шли по улице независимо друг от друга. Никита сразу сунул кулаки в карманы. Раньше с мелкими не общался, но помнил, что такие любят ходить за руку. Подавать свою руку этой не хотелось.

Мелкая и не думала претендовать на чью-либо руку. Она торопливо бежала по дорожке, странно переставляя ноги в сапогах. Сапоги были слишком высокие и неудобные.

Бег ее затормозился около огородов. Линия грядок, огороженных невысокими заборчиками.

– Наш вон тот, – показала мелкая.

Никита ожидал, что его приведут к такому же дому, как у бабы Зины. Но дома тут не было. Были огороды и сараи. И туалет. Будку туалета никогда ни с чем не спутаешь.

– Мать вчера в огороде копалась, нашла, – сообщала мелкая. – У нас ловушки на кротов стоят, их тут много. Как расшуруют грядки, ничего потом не растет. Вчера сразу два попалось. Одного мать увидела, а я второго забрала. Он у меня в земле сидел. А потом сдох.

Никита передернул плечами. Так... сдох... отличное начало дня.

– Это же хорошо? – Девчонка смотрела на него, сильно запрокинув голову. Лицо у нее сейчас было похоже на блин.

– Что хорошо? – смутился Никита.

– Убивать не пришлось.

– Знаешь что!.. – Никите вдруг все надоело.

– Идут!

Девчонка смотрела мимо. Чертовщина какая-то. Никита почувствовал неприятные мурашки, захотелось обхватить себя за плечи.

Мелкие. Синий и красный. За ними бежала еще одна горошина. Вроде бы та, что вчера была на велосипеде, а может, и другая.

– А ты говорила, что не придешь! – радостно крикнул

красный мелкой в сапогах.

– Все равно не сработает, – отозвался идущий за ним синий.

– Я тебе сейчас в рожу! – все с той же радостью сообщил красный.

Никита начал закипать. Что за детский сад?!

– А я говорю, получится! – кинулась на синего мелкая в сапогах и с лету врезала ему кулаком по голове. Тот и не подумал защититься.

– Крота покажь! – потребовал синий.

Драка закончилась. Мелкая весело – жизнерадостный ребенок какой-то – глянула на Никиту, кивнула ему: мол, пошли. Никита остался стоять. Сопливая гвардия потянулась вдоль грядок.

Пожалуй, надо уходить. Никита потер почему-то вспотевшие ладони. И правда сумасшедший поселок. И жители его все немного сдвинутые. Кротики по утрам хоронят. А по вечерам садятся у окна и смотрят кошмары с продолжением. Весь поселок – одно сплошное похоронное агентство.

– Иди! – позвала мелкая в сапогах. – Мы сейчас быстро.

– А давайте одни, – предложил Никита. – Я мимо.

– Так это для тебя! – искренне возмутилась мелкая.

– Что для меня? – Вот так живешь-живешь, никого не трогаешь, а потом ради тебя зверушку хоронят.

– Пойдем.

Она все же вцепилась в его руку. Ладонь у мелкой была

горячая.

Крот лежал на газете. Никита никогда не видел кротов. Может, они все такие, а может, это специальный вид. Ритуальный. Огромные лапы – по сравнению с самим кротом просто нереально огромные – с длинными белыми когтями. Тупоносая мордочка. Свалявшийся грязный мех. Глаз не видно.

– За кустом похороним и табличку поставим, – командовала мелкая в сапогах.

– А я вот еще принес. – Красный зашуршал пакетом.

Это была селедка. Небольшая, но на вид вполне съедобная.

– Ты чего? – толкнула его в плечо мелкая в сапогах. – Ты чего?

Селедка чуть не полетела на землю. Красный бережно ее прикрыл пакетом.

– Чего? – наступала мелкая в сапогах.

– Так она же тоже мертвая! – сдавал позиции красный, пятясь. – Не сама умерла – ее убили. То, что надо! Чем твой крот лучше?

– Крот – это зверь! А это...

– Это тоже зверь, только из моря. Еще неизвестно, что больше подойдет. – Красный повернулся к Никите. – Я курицу хотел стащить. Но за курицу мать убьет. А селедку, может, не заметит.

Никита кивнул. Уходить расхотелось.

– А я принес вот, – оживился синий и вытащил из кармана куриную ногу. Жареную. С прилипшей спичкой.

– Ты чего? – переключилась на синего мелкая в сапогах. Она переложила крота в банку и теперь старательно прижимала ее к груди.

– Пригодится, – остановил повтор спектакля Никита. – Где твой куст?

Он ничего не понимал, поэтому затягивать действие не стоило.

– Это сработает, – убежденно сообщил красный. – Мы и табличку сделаем. Нам только твоя фамилия нужна.

Мелкая в сапогах торопилась вперед, прижимая банку к груди. Никите стало интересно, чем они будут копать. Руками?

– Что? – не понял он красного.

– Твоя фамилия, чтобы уже точно сработало.

– Что сработало?

– Что мы тебя похоронили.

Никита остолбенел. В свете ночного кошмара утренние похороны смотрелись в самый раз. Они его здесь точно ухайдакают.

– Вот, вот! У меня есть! – заверещала вторая мелкая и протянула сразу три таблички. Пластиковые, на невысокой ножке, под прозрачной пленкой вставлены бумажки с названиями: «петрушка», «укроп», «редис».

– Чего-то я не понял, – пробормотал Никита.

– Тебе же вчера говорили! – по-бабски всплеснул руками красный.

Если вспоминать вчера, то ему много чего говорили. Одна баба Зина затмила всех своим выступлением.

– О проклятии. Аня рассказывала...

Для начала надо было соединить имя «Аня» с информацией о проклятии. Пока не вспомнил, что Аня – это Хельга, в голове стояла приятная взбаламученность, туда-сюда носились мурашки. Внутри черепной коробки зачесались мозги.

Горюч-камень Алатырь. В ушах зазвучали воспаленные слова: «В добрый час молвить, в худой промолчать. На густой лет, на большую воду, на свою и вражью горячу кровь, на живу душу слово намолвлю...» Аня-Хельга... это она так говорила. Вчера. Или позавчера? Никита сжал кулак. За два дня он натер ладонь, волдырь лопнул, кровавит. Такие игры, значит, да? Кто не спрятался, я не виноват.

– И что?

Невероятно серьезные лица мелких не вызывали сомнения в том, что сейчас происходит важнейший разговор. Для них, по крайней мере.

– Проклятие Аэйтиами! – со значением произнес красный. Но Никите это не помогало. Его не оставляло ощущение, что над ним издеваются. Что мелкие вот прямо сейчас разводят его как новенького, а где-нибудь за туалетной будкой сидят Илья с Легычем и ухахатываются.

– Поздравляю, – буркнул Никита. – Не всем так везет.

Красный оглянулся на мелкую в сапогах. Та смотрела на мальчишек сурово.

– От меня-то вы чего хотите? – спросил Никита. – Нужно помочь похоронить крота? Давайте помогу. Только по-быстрому. У меня дел много. Дальше играть с вами я не буду. Других ищите.

– Ты что? – завела знакомую мелодию мелкая. – Это же для тебя!

Никита покосился на курицу в руках синего. Куриная ножка уже пару раз падала и теперь была немного в земле.

– Я не голодный.

– Проклятие! Пошли! Сейчас сделаем, и все закончится.

Никита вяло покивал. Если после этого «все» закончатся непонятки, он будет только рад. А то собрался полный поселок психов. Газы у них тут какие всех медленно сводят с ума?

– Аэйтиами сказал, что все тут сгорит, если пришлые не уйдут. Что каждый год будут люди умирать, пока не освободится место для истинного народа. Каждый год! – Мелкая в сапогах со значением подняла вверх грязный палец.

Почему-то вспомнилась обвалившаяся крыша. Задавило пацана. Никиту тоже попыталось задавить старое пальто.

– Я ничего не понял, – признался Никита, не давая себя увести.

Мелкая повернулась к нему с невероятно серьезной миной. С такой учительница по алгебре сообщает классу, что

карьера ученого никому не светит.

– Ты новенький. Он тебя убьет. Он всегда убивает новеньких. А так – назовем кротика твоим именем, похороним. Он ошибется. Решит, что ты уже умер.

– Почему меня-то?! – возмутился Никита. Хотел добавить – вон сколько вас тут ненормальных, любого бери, не жалко. Но сдержался. Все-таки в дурдоме надо держать себя в руках. Из памяти запоздало вынырнуло «Ты следующий», но тут же выветрилось. Не до ночных кошмаров сейчас.

Красный толкнул мелкую в плечо, сбивая и без того неустойчивую кофту.

– А я говорил... – прошипел он. – А ты говорила... А все ерунда!

Сунул селедку в пакет и обратно в карман.

– Не ерунда! – крутанулась на месте мелкая в сапогах. – В прошлом году приезжего крышей пришибло, в позапрошлом походник на Щучьем озере утонул. Тоже парень. Там и табличку поставили. А теперь вот этот приехал.

Красный засопел. Никита вспомнил совет Паши. Правда, что ли, уехать? Ну их тут совсем. Что он, дома один не посидит?

– Ладно, – согласился красный. – Пошли. Закопаем крота по-быстрому и разбежимся.

Ага, по-быстрому... Разбежимся...

Никита помотал головой, пытаясь утрамбовать мысли.

Около кустов мелкая в сапогах и ее подружка без велоси-

педа копали совком яму.

– Вам играть больше не во что? – осторожно спросил Никита.

– Мы тебя закопаем, – сообщила мелкая в сапогах. – И все, больше никто не умрет.

– И не сгорит ничего, – добавил красный, вновь доставая свою селедку.

Никита сглотнул. От всех этих похоронных приготовлений ему стало не по себе.

– Как твоя фамилия? – вцепилась в его рукав мелкая без велосипеда.

– Я все равно не понял, – высвободился из цепких пальцев Никита. – Вам-то это зачем?

– Мы его ненавидим, – печально произнес синий.

– Кого?

Синий все еще держал куриную ногу.

– Хозяина, – прошептал синий. – У меня в том доме бабка жила. А он сжег. Пускай подавится этим кротом.

Глава IV

Даты жизни

Бывают дни хорошие. Бывают дни плохие. Хорошие – когда не готовился к урокам, а тебя и не спросили. Когда у мамы настроение и вы идете покупать фотоаппарат. Когда можно весь день телевизор смотреть. Плохие – это все наоборот. Мама ругается, отбирает планшет, и сколько бы ты ни готовился, все равно спросят и попадется единственный вопрос, на который не сможешь ответить.

Никита шел, сжав кулаки. Хотелось зажмуриться. Чтобы больше не вспоминать то, что видел – свое имя, фамилию и даты жизни. Родился такого-то, умер сегодня.

«Как ты?» – спросила мама в телеграмме. Еще и картинку смешную повесила – цыпленок и озорной мышонок прыгают по кругу, взявшись за руки.

«Офигительно!» – отозвался Никита и добавил довольно-го призрака.

Действительно, как у него дела? Вот так все и есть.

– Сумасшедшие, – шептал он себе под нос. – Психи. Обмороженные.

Мелкая в сапогах долго объясняла, чесала коленку. Опять объясняла. Снова чесала. Прикладывала подорожник к кровоточащему расчесу. Сбивалась. Начинала заново. Тянула руку к коленке. Искала новый подорожник...

В общем остатке было – все это, конечно, не обязательно случится, но очень вероятно. Они тут давно воюют, в курсе что и как. А Никита им понравился, и они хотят...

Сплюнул. Он тоже много что хочет. Например, послать всех к черту. И чего он это сразу не сделал? Словно обварило его. Еще там, на колонке.

Кротика хоронили со всеми почестями. Вторая мелкая принесла цветы. Что-то противно-желтое, без лепестков. Синий перестал размахивать куриной ногой и раздобыл небольшую коробку. Мелкая в сапогах расщедрилась на платок. Возились долго. Чуть не подрались. Уронили и коробку, и крота. Никита сдерживался, чтобы не заржать – вот бы сейчас Хозяин повеселился. Но потом мелкая воткнула в свежий земляной бугорок табличку.

Имя. Фамилия. Дата смерти.

Старательно утрамбовала холмик пальцами. Положила... какой-то еще цветок.

Стало нечем дышать. Никогда такого не было. Он вдыхал, а воздух не проходил. И что-то было с головой. Горизонт раскачивался, словно Никита взлетел на самолете и сразу в турбулентность попал, от которой внутренности сжимаются.

– Теперь все будет хорошо, – улыбнулась мелкая в сапогах. На щеке у нее была кровь. – Вот увидишь! Это верный способ.

Красный старательно подкапывал с краю холмика свою селедку. Он хотел ее сначала положить в коробку к кроту.

Но мелкая не дала. Сунул незаметно на дно ямки, но селедку выдал хвост. Тогда он дождался, когда мелкая отвернется, и проковырял пальцем ложбинку.

«Это он зря», – почему-то подумал Никита. В кротика со своим именем он еще мог поверить, а вот в селедку...

Тут его совсем уж затошнило, и он пошел прочь. Надо было потолковать с местными. Хотя бы с Ильей. Про ночные видения, про встречи у колонки, про похороны.

Вчерашний разговор о проклятиях и призраках заморочил, не заметил, кто куда ушел. Договариваться о встрече на завтра никто не стал. И правда, чего тут договариваться – пять улиц, четыре перекрестка. Место встречи неизменно. Комбинат. Все дороги вели туда. Если нужны ответы, то искать надо там.

На проходной никто не остановил. Никита прошмыгнул через приоткрытые ворота. Огляделся. Знакомая, избеганная вчера вдоль и поперек площадка была пуста. Чем еще можно заниматься в этом всеми забытом месте? Только в прятки играть... Самим прятаться. И тайны свои прятать.

Поежился. В прятки... А может, не такая это и детская игра? Спрятаться, чтобы тебя никто не нашел. Утренние похороны кротика чем не прятки? Спрятали одного, чтобы подумали на другого.

Пошел левее по тропинке. Забыл про болотце. Споткнулся, черпанул кроссовкой через край. Плевать. Мимо пандуса – ссыпали они тут что-то. Слева оставил основные цеха с

гигантскими дырами в полу и призраком Хозяина.

Интересно, вчера он на новенького вышел посмотреть или сказать чего хотел? Может, он так всех приезжих приветствует? Выходит поздороваться, узнать, не надо ли чего. Это же он встретил Никиту на подъезде. Ждал в кустах. Зачем?

Никита понял, что ненавидит Хозяина. Вот так неожиданно – ненавидит. Незнакомого человека. Или не человека. Только за то, что тот постоял на лестнице. Что приснился ночью. Кулаки налились тяжестью. Захотелось ударить. Не важно кого. Когда есть противник – ты его видишь и все легко. Бей, не раздумывая, получай удары в ответ. А когда непонятно что, вроде глупо показывать, что испугался, – ведь нет никого, но тебе страшно как раз потому, что никого нет.

Справа было что-то очень сильно разрушенное – огромный провал в стене открывал три высоких этажа и противоположную стену.словно великан с разбегу врезался.

Великан...

Никита поежился.

Не будем сейчас о великанах.

Он старательно гнал от себя все неприятные мысли – о проклятиях, о похоронах, о Хозяине. Если не думать, то ничего и не было. Совсем ничего. Все очень непонятно, а от этого словно по душе что скребет.

За разрушенным корпусом дерева скрывали утрамбованную площадку, на которой стояла одинокая машина.

Мостик через речку перегорожен шлагбаумом.

Здесь у Никиты словно прорезался слух – стал слышать реку. Она весело сбегала по камням, билась о высокий каменистый берег. Вода темно-желтая, как будто в нее ржавчины напустили.

Это было то, о чем рассказывал дядя Толя, но что не успел вчера увидеть Никита. Местная знаменитость – порог и ГЭС.

Прошел по мосту, с удивлением глядя на спокойную гладь воды слева – тут собралась ленивая толпа березовых семечек с одиноким березовым листиком посередине – и сумасшедший бег воды вниз по камням справа.

«Сумасшедший», – отметил про себя Никита. Все-таки сумасшедший.

Никита походил по противоположному берегу, порадовался березкам – наконец-то он их здесь увидел. К турбине, спрятанной в домике, не пустила закрытая калитка в сетчатом заборе. Можно было, конечно, перелезть, но совершать подвиги в одиночку не хотелось.

А захотелось вернуться на комбинат, полазить по крытому пандусу, изучить окрестности, попробовать снова встретить призрака, объяснить ему, если он еще не понял, что Никита вообще-то не местный, поэтому нечего его втягивать в свои игры. И ни в коем случае ни с кем не встречаться.

Уже выходя на мост, он заметил, что на крайнем столбе сидит Хельга. Распущенные волосы занавешивают лицо, на коленях книга. На шум Никитиных шагов она подняла голову, страницу заложила пальцем. Как вчера.

Никита уже вдохнул, чтобы сказать «Привет!» или «Как дела?» – он не был силен в общении с девчонками, как вдруг Хельга выдала неожиданное:

– Здесь девочка утопилась. Видишь, крест?

Склонилась к внешней стороне столба, провела пальцем по влажному граниту. Там и правда был выдолблен крест.

– Она в парня была влюблена. А его выбрал Хозяин. И она тогда...

Хельга посмотрела на бурную воду. За порогом река широко разливалась, властно раздвигая лес каменными берегами. Может, там, далеко, и было глубоко. Здесь же пока только высоко. И надо было очень постараться, чтобы утонуть, скатившись по камням.

Хельга прижала к себе книжку:

– Ты во все это не веришь? В наши проклятия?

Никита пожал плечами. Он мало во что верил. Лучше пощупать или увидеть.

– Что это у тебя? – Хельга коснулась его скулы.

Никита отстранился:

– В темноте на грабли налетел. Что читаешь?

Хельга развернула книгу. «Легенды Финляндии». На каменном берегу недостроенная лодка – ребра обозначают конструкцию, спиной к зрителю стоит кряжистый дед с длинными седыми волосами. В руке палка. Внушительная такая картинка.

– У нас библиотека, я там беру. Ты был в библиотеке?

Обязательно сходи! Это в здании начальной школы. Недели через две квест будет. Говорят, к нам писатели приедут. Из Петрозаводска.

– Квест? – Слово не вязалось с этим диким местом, где вместо людей хоронят кротов с селедками, а девчонки по утрам сидят на мосту с книжкой легенд и рассказывают об утопленницах.

– По истории поселка. У нас есть один дом, называется Дом Трех Невест. А кто-то говорит, что это Дом Трех Смертей. Там лютеранский священник жил. У него было три дочери. Они мечтали выйти замуж, но священник не давал им это сделать. Так они и прожили в одиночестве. А когда священник умер, они уже старые были, никаких женихов не осталось. В этом доме сохранились чугунные ванны и водопровод не чета нашему.

– А что с вашим?

– Ничего. – Хельга пожала плечами, легко спрыгнула со столбика и резко повернулась, оказавшись очень близко от Никиты. Глаза ее расширились. Зрачок оказался огромным, во всю радужку. – Только ты туда не ходи. Дом проклят. Там призрак живет. Злой. Он по ночам воет, к себе заманивает. Каждого проходящего запоминает, а потом потихоньку кровь у него пьет, пока тот не умрет. Из наших никто туда не ходит. А еще говорят, что там есть одна закрытая комната. Всегда была закрыта. Там священник как раз и запер своих дочерей. Сколько времени прошло, а открытой эту комнату

никто никогда не видел. Даже когда после войны в этом доме люди поселились, пытались ее открыть – не смогли.

– Весело у вас! – прошептал Никита.

– Не жалуемся, – довольно улыбнулась Хельга. Никита смотрел, как двигаются ее губы.

Грохнул звонком велосипед – из-за деревьев выехал Илья. Хмуро посмотрел в их сторону. Взгляд Никиту оттолкнул.

– Тебя дед ищет, – крикнул Илья, останавливаясь около Хельги.

Расклад в этой истории был понятен – парень приехал к девушке. Надо уходить.

– Никого больше не видел? – то ли с издевкой, то ли с вялым интересом спросил Илья.

– Тебя вот!

Никита пошел обратно, злясь, что вообще повелся на всю эту ерунду. Призраки, проклятия, кротики, дома с нехорошей историей. Дети играли, а он стоял и молчал. Он уже собирался пойти к тому злосчастному кусту и сбить табличку, но его перехватил дядя Толя.

– Пойдем, старик, – позвал он, заметив Никиту от калитки. – Нечего тебе тут скучать. А то и правда запугают всякими страшилками – ты уехать захочешь.

Никита усмехнулся – он уже хотел.

– Покажу я тебе, старик, места наши, – вещал дядя Толя, не замечая хмурого настроения Никиты. – А то ж у нас как – новенькому и рады голову задурить. Это же Карелия.

Тут за каждым кустом смерть страшная стояла. Что в Зимнюю войну, что в Отечественную. Под Питкярантой какая Долина Смерти, я тебе скажу! Тридцать пять тысяч полегло! За два месяца. Шутка ли? Вот где призраки до сих пор бродят. А линия обороны у финнов какая была! Я встречался с ребятами, которые восстанавливают сохранившиеся доты и линии окопов. Там же окопы какие? Кругом камень – вот его и долбили. До сих пор все прекрасно сохранилось.

Шли медленно. Дядя Толя рассказывал с видимым удовольствием – давно у него не было слушателя. А Никите было скучно. Что ж за место-то такое! Любой разговор поворачивается на смерть. И тогда гибли, и сейчас, и его вот хотят похоронить.

Миновали площадь, где Никиту высадил таксист. Магазин, почта, детская площадка. На площади отдыхал неожиданный яркий большой автобус. Рядом с ним тесной группкой стояли броско одетые люди.

– Это финны приехали. – Дядя Толя заметил, что Никита сбавил шаг. – Они теперь часто приезжают. Родственники тех, что здесь жили, – хотят посмотреть на свои бывшие земли.

Еще несколько шагов – и стал виден вход в магазин. Около него валялся велосипед. Перед велосипедом топталась мелкая в сапогах, пытаюсь вырваться от того, кто держал ее за кофту. Никита поторопился, чтобы разглядеть, кто это.

Девчонка. Из вчерашних. Чье имя Никита не запомнил.

Аня-Маня. Она тащила мелкую за рукав, растягивая и без того бесформенную кофту. Эта же кофта не давала сбегать хозяйке. Мелкая сжималась в оставшемся ей рукаве, но Аня-Маня все равно доставала. Глухие удары ладонью сыпались на оголившееся плечо, на вжавшуюся в плечи голову. Рядом стоял красный. Вид имел такой, будто ему уже досталось.

Больше никто на эту сцену не обращал внимания. Все так же на лавке около входа в барак сидел дед с оттопыренной губой. Какие-то бабки шли через площадь. Ворковали на своем финны.

И Никита тоже пошел дальше. За спиной еще слышались удары, но он не оборачивался. Это была не его игра. Тут что-то происходило, что – он не понимал, да и не стоило ему туда лезть.

Дядя Толя продолжал вещать. Он рассказывал о школе и о том, что каждый год ходил с ребятами в поход на Щучье озеро. Как однажды они увидели следы медведя – и так быстро до поселка еще никогда не добегали.

Дома нескончаемо тянулись, смотрели в спину Никите десятком тусклых окон. Как будто ждали чего-то.

Послать надо всех к чертям и в одиночку все как следует посмотреть. Никита любил быть один. Он и по заброшенным домам всегда один лазил. И в школе всегда был один. Другие люди с другими интересами ему были не нужны. Это раньше он все пытался кому-нибудь объяснить, чем увлекается. Но его походы были настолько для всех странны, что идею

найти компанию к шестому классу он уже забросил. Здесь, в Тарлу, ему и подавно друзья были не нужны. Зачем? Пройдет месяц. Уедет. Никто никому письма писать не будет.

– Вон там, видишь? – Дядя Толя постоянно говорил, Никита его уже и не слушал. – Видишь, крыша торчит? Это дом священника. Тут стояла большая лютеранская церковь. Он в ней служил. Называется он дом...

– ...Трех Смертей, – подхватил Никита.

– Почему? Просто дом священника.

Между широко разросшимися липами виднелась коричневая черепичная крыша, уже основательно заросшая мхом. Над крышей торчали две трубы. За взметнувшимися цветками иван-чая просматривалось розовое крыльцо, украшенное ажурными столбиками. Дом, когда-то покрашенный в желтый и розовый цвет, настолько врос в зелень, что казался необитаемым.

– Там жил священник, у него было три дочери...

Черт, надоело... Уж лучше б в городе остался. Сидел бы сейчас за компом. Или по округе гулял. Дел много! А он доисторические рассказы слушает и призраков ловит. Очень интересно.

– Война, шум, гам. Девушки на выданье, а никто не сватается. Боятся брать в семью дочерей священника. Так они и просидели в девках.

– И до сих пор сидят? – хмыкнул Никита. А что? Он легко может представить.

– Нет, что ты! После войны там люди поселились. Раньше две семьи жили, теперь один владелец все выкупил. Но что-то пока не въехал. Дом пустой стоит.

А дочки так и остались там жить. Ванну принимают по ночам, смеются, бегают по этажам, включают и выключают свет, складывают в тайную комнату головы верных поклонников. Это же Финляндия была, тут наверняка уже у всех электричество провели к концу тридцатых годов. Что еще делают? Скрипят половицами. А местные потихонечку сходят с ума. Придумывают истории о проклятиях и их хозяевах.

Никита передернул плечами, прогоняя озноб. Может, не ходить больше на улицу, а сидеть у себя в комнате? Телефон есть, Интернет есть. У бабы Зины телевизор. Бочки не бездонные, натаскает воду в одну и засядет за боевик.

Дом Трех Смертей последний раз глянул на него голубыми рамами окон, показал свой розоватый бок. Ветер сомкнул ветки.

Надо будет вечером зайти как-нибудь, познакомиться.

Подумал и фыркнул: «Докатился! В призраков поверил. В гости на чай к ним собирается. Кто бы ему это сказал месяц назад...»

– Там, где деревья, там хутора стояли. В них сначала жили, а потом людей стали выселять.

– Зачем?

– Ну как зачем? В Советской стране все должны были

жить рядом, на виду. А хутор – это как бы отдельное хозяйство. Вот всех и согнали в поселок. А брошенные дома потихоньку сгорели.

Как?! И они?!

Никита остановился:

– Почему?

– Ребята бегают, хулиганят, печки топят. Покурили, окурок бросили – вот оно и загорелось.

Никита опять мысленно чертыхнулся. За поворотом показалась табличка «ТАРЛУ», перечеркнутая красным. Власть поселка заканчивалась. Рядом возвышалась ржавая конструкция из реек, на некогда красном круге еще можно было прочесть все то же неожиданное пожелание «Доброго пути».

– Нам сюда.

Они свернули направо. Дорога была не очень наезженная. Скорее натопанная. Дядя Толя без усталости показывал:

– Вон там стоял дом. И там. А тут, видишь, остался погреб? Каменный, хорошо сохранился...

Среди папоротников виднелся холмик. Никита подошел ближе. Земляной настил поддерживали длинные тонкие каменные плиты. Вход был любовно выложен кирпичом. Дверь аккуратно прислонена рядом. Внутри все было засыпано землей. Травинки успели прорасти.

Дядя Толя стал сокрушаться, что у финнов хорошие деревья тут росли. Но стоило их выкопать и пересадить в дру-

гое место – тут же чахли.

За погребом что-то зашевелилось, зашуршало. Никита сразу вспомнил все рассказы о медведях, и что-то случилось с его ногами. Они перестали слушаться. Приросли к месту.

В обалдевшем состоянии он смотрел, как нехотя поднимается кто-то большой и темный. Все выше и выше.

Сейчас зарычит. Сейчас кинется.

Но это оказался человек. Волосы собраны в хвост.

Никита выдохнул, злясь на себя за испуг.

Паша мельком глянул и отвернулся. Что-то он там делал... около погребка... Никита привстал на цыпочки, чтобы рассмотреть.

– Тебе же сказали, убирайся отсюда! – буркнул Паша. – Чего непонятно?

– Почему? – тупо спросил Никита.

– С кем это ты? – тут же оказался рядом дядя Толя. – А, Павел! Здравствуй! Никита, это Павел, местный исследователь, любитель края. Он все-все здесь вокруг исходил, занимается раскопками. Нашел на нашей горе петроглифы. Собирается написать об этом в областную газету. Павел считает, что у нас самый красивый край во всей Карелии.

Всю тронную речь в свой адрес Павел мрачно смотрел себе под ноги.

– Есть сегодня что-то интересное?

Паша вдруг оживился. Глянул на дядю Толю, кивнул, сделал шаг в сторону, показывая место, около которого копался.

За деревьями угадывался фундамент дома. Невысокие земляные насыпи, остатки кирпича. От фундамента остался четкий рисунок. Вот так шла внешняя стена, вот тут заканчивалась одна комната, тут было что-то небольшое, как будто чулан. А вот тут точно вход – разрыв в линии. Как раз около этого входа Паша и копал. На земле был разложен брезент, инструменты.

– Нашел кое-что. – Паша присел, стал перебирать что-то сваленное на брезенте. – Вот это осталось от входной ручки. – «Это» было похоже на продолговатую круглую палочку. – А это пуговица. – Если пальцем получше потереть – и впрямь окажется пуговицей. – Осколки... думаю, бутылки были. – Осколки как осколки. Если и бутылки, то стекло толстое. – Тут вот как будто кусок погона. Ну и деньги.

Монетка оказалась небольшой и на удивление чистой. На одной стороне расправлял крылья хорошо различимый двуглавый орел, как и на сегодняшних монетах, а на другой читалась цифра «25», внизу «1916», а между ними несколько иностранных букв. Над буквой «А» то ли черточка, то ли точки.

– На, возьми, пригодится.

День сегодня был... Никита еще не понял, хороший или плохой. Но точно странный. До того странный, что Никита не сразу понимал, что надо делать. Вот и сейчас – смотрел на Пашу, на его протянутую руку, на его грязные, в земле, пальцы, на отчищенную монетку и сильно тормозил:

– Зачем?

– Пригодится, – качнул рукой Паша.

– Это же ваше.

– Не мое. Хозяина. Он тут жил, – Паша кивнул на остатки фундамента. – Здесь была его усадьба. Большая. Сгорела одной из первых. И если до сих пор призраком по округе бродит, значит, что-то он здесь оставил.

– Зачем? – Никиту клинило на этот вопрос.

– Это очевидно! – Паша вскинул брови. – Чтобы вернуться можно было! Он же не так просто проклял тут все. Хозяин готовился. Он что-то сделал, чтобы его проклятие сработало. Чтобы вернуться, когда время придет.

– Что сделал? – Никита перестал чувствовать себя в реальности. Окружающее казалось дурной сказкой. Где бел-горюч камень не выдумка, а суровая реальность.

– Да что угодно! К ведьме пошел и принес от нее заговоренную вещь. Что-то другое оставил. Любой предмет, на котором сделал отметку. Эта вещь ему поможет вернуться. Если ее найти и уничтожить, то проклятие можно остановить. Я все уже обыскал. Осталась усадьба. Если ты уезжать не собираешься...

– Зачем уезжать? – вклинился в разговор дядя Толя. Он опускал в карман телефон – значит, начало разговора прослушал. – Мальчик только приехал. Мы сейчас на озеро ходим. Завтра на гору или к порогам Лястимайе. Внук впервые бабушку навестил!

– А Хозяин?

– Знаешь что, Паша! – Дядя Толя потянул Никиту за локоть к дороге. – Обидин сказки рассказывает, а вы за ним повторяете! Мало ли кто и где умирает! Домá в любой деревне горят. И если под это надо подложить легенду – пожалуйста. Как историк я во все это не верю. И верить не собираюсь. Не забивайте голову мальчику ерундой. Хозяин у них все здесь проклял! – Последние слова дядя Толя произнес с явной издевкой. – Если бы так было, то по всей земле города лежали бы в руинах, потому что после каждой войны кто-то кого-то выселял, а потом проклинал. И наше место ничем не лучше и не хуже других! Мальчик приехал! Кому это мешает? Пойдем, Никита!

Никита безвольно сделал несколько шагов за дедом. Почувствовал, что в ладони у него что-то осталось.

– Лучше бы ты отправил его отсюда! – уже в спину крикнул Паша. – Завтра бы и отправил! Послезавтра поздно будет!

– Не выдумывай! – Не оборачиваясь, дядя Толя поднял руку в прощальном жесте.

– Прочитай о проклятии магистра ордена тамплиеров! – пытался доказать свое Паша.

– Тебя никто не слушает! – отозвался дядя Толя. Отойдя немного, он возмущенно забухтел: – Вот ведь псих, прости господи! Какой год баламутит округу. Призраки у него тут бродят. Проклятие наложили. Да если бы это проклятие бы-

ло, поселок бы давно сгорел! А он стоит. И еще столько же простоит. Подумаешь, комбинат закрыли! В то время столько всего закрывали! Куда там наш комбинат...

Он еще долго ворчал, поминая историю Финляндии и России, ругал Пашу с его фантазиями, ругал неизвестного Обидина, который всю эту кашу заварил...

Глава V

Невеста смерти

Как только они, мокрые и уставшие, потому что попали под хороший дождь, пришли после озера домой, Никита засел в своей комнате с телефоном. Тамплиеры... Что-то такое было у них по истории. Очень сильный орден во Франции, который взял власть, большую, чем у короля. И королю это не понравилось.

Нашел, стал читать. Вот люди весело жили! Французский король Филипп IV позавидовал богатству Великого магистра ордена тамплиеров Жака де Море, объявил его еретиком и сжег на костре. Забавные у них были отношения. Де Море в долгу не остался и, уже стоя на эшафоте, проклял короля и его потомство до тринадцатого колена. Проклятие тут же стало сбываться. Через полгода король умер в страшных мучениях...

В окно то ли скреблись, то ли стучали. За чтением Никита забыл, где находится. Дома в окно на шестнадцатом этаже ему никто никогда не стучал. А здесь столько звуков, так много всего вокруг происходит. Шуршал дождь, каждый шаг на улице отдавался в стекле странным эхом, ветки кустов скреблись о стены дома. Дядя Толя громко кого-то отчитывал на кухне. Бр-р... не поселок, а шкатулка с неизвестностями.

Никита вернулся к чтению.

Старший сын Филиппа умер, и ребенок его умер сразу после рождения. Другой сын тоже долго не процарствовал.

Никита почесал в затылке. Вот это дела! Какое грамотное проклятие. Сколько же оно человек положило? А здесь, в Тарлу? Тоже немало умерло. Не зря Паша так переживает, все советует уехать. Не пора ли? Очень уж не хочется попасть под чужую раздачу. Тем более он тут совершенно случайный человек.

На улице вскрикнули. Звякнул упавший велосипед. Никита посмотрел в окно. За стеклом стояли непонятные карельские сумерки, заменяющие ночь – Никита видел в стекле лишь свою растекшуюся лохматую голову. Вместо носа и глаз зиял черный провал. Он даже лицо потрогал, чтобы убедиться, что все на месте. Передернул плечами.

Фиг с ним, с отражением. Не до него. Что там дальше? Карл IV, рождение дочери вместо сына... Династия Валуа... О! Что-то знакомое! Бурбоны после Валуа. И последнего Бурбона казнили во время Французской революции.

Не, ерунда. Все короли умирали – а чего бы им не умирать? – при чем тут проклятие? Может, и тут – просто люди время от времени умирают. Прав дядя Толя. Нет никакого проклятия. Иначе его бы не позвали в гости. Вроде родственники не садисты, чтобы звать акуле в пасть.

Свистнули, как будто прямо в ухо. Мигнул свет. Никита выронил телефон. Руки неприятно дрогнули. Тело стало

липким. Во рту пересохло.

Страхи целого дня как-то сразу приблизились. Показалось, что вот оно – проклятие, начинает действовать. Сейчас крыша обвалится или цунами налетит. От чего он умрет? Дизентерия, лихорадка? Что косило королей?

Из стекла на него смотрели. Сначала ему показалось, что это старый Жак де Море, убеленный сединами Магистр, пришел проверить, правильная ли о нем информация в Интернете.

Встать получилось с трудом – ноги не слушались.

Лицо еще больше приблизилось к стеклу. На мгновение Никита увидел в нем черты Хозяина, его зализанную челку. Но потом это уже без сомнения оказался Илья. Он ткнулся лбом в стекло, отчего переборка отозвалась нехорошим гулким звуком. Илья что-то показывал руками.

– Да ты войди, – кивнул на дверь Никита. Тело было непривычно ватным, словно вместо мышц оказался поролон. Ладони влажные, пришлось их вытирать о джинсы.

– Не могу, – глухо отозвался Илья. – Открой!

Никита с готовностью протянул руку и замер, озадаченный. Здесь не было привычной большой ручки. Окно делилось на две части. Небольшие полукруглые железные ручки, привинченные к раме, поворачивать было нельзя. Никита подергал. Створки податливо скрипнули.

– Шпингалет! – тыкал пальцем Илья.

– Что?

– Никита! Ты спишь? – Дядя Толя сначала спросил из-за двери, а потом только постучал.

Илья сделал страшные глаза, замотал головой и скрылся.

– Что? – Никита смотрел в пустоту стекла.

– Что ты делаешь? – Дядя Толя был привычно вальяжен.

– Окно хочу открыть, – ляпнул Никита и замолчал. Что-то он, видимо, не то делает и тем более говорит.

Обернулся. Ильи в окне уже не было.

– Разве душно? – осторожно спросил дядя Толя.

– А тут как-то... ручки нет. – Никита показал на раму.

– Шпингалет надо поднять.

Дядя Толя коснулся железного запора внизу рамы. Палочка со стопором нехотя поднялась. Такая же оказалась и сверху. Без запоров рама распахнулась. Дядя Толя постоял, облокотившись на верхнюю часть окна.

– Хорошо-то как... – пробормотал он. – Дождь.

– Чего ж в нем хорошего? – буркнул Никита, вспоминая, что сегодня они успели капитально промокнуть.

– Все дома сидят, книжки читают, – весело повернулся дядя Толя к Никите. – Ты давай заканчивай свои чтения и ложись. Завтра на гору пойдем. Силы нужны. А окно лучше закрывай на ночь. Комары.

Никита дождался, пока дядя Толя выйдет. Представил, как тот проходит кухню, как закрывает за собой дверь большой комнаты. Вспыхнул и пропал звук работающего телевизора.

Никита настолько углубился в фантазии, как там сейчас в комнате, что вздрогнул от неожиданности, когда над подоконником возник Илья, устроив локти между цветочными горшками:

– Разговор есть. Можешь выйти?

– Выйти? – Никита обернулся на дверь.

– Не, через окно давай! Там твой дед не пускает.

Вспомнился громкий голос... Наверное, Илья пытался пройти к Никите легально, но не проскочил мимо «охраны».

Никита глянул на свои шлепанцы, кивнул и перегнулся через подоконник. Невысоко. Дождь из сильного стал мелко-рассеянным. Капюшон толстовки вполне спасал. Один цветок в горшке упал на улицу.

Бурно разросшиеся кусты сирени обрушили водопад. Пришлось немножко лезть через забор. Никита поцарапался.

Сумрачные фигуры на улице сразу придвинулись. Звякнул велосипед.

– Здоров! – вышел вперед Легыч, протягивая руку. Руку тянет, сам в глаза смотрит. А в его глазах словно ночь отражается. – Тут такое дело...

Никита неуверенно ответил на рукопожатие. Ничего хорошего от тайной встречи ждать не приходилось. Местные. Вызвали. Смотрят странно. Сейчас начнутся претензии.

Но местные не торопились. Рядом с Легычем мялся маленький красный. Голова его была опущена. Он шмыгал носом,

еще и кулаком по щекам постоянно тер. Плакал. Мелкая в сапогах была словно облита из ведра водой. Мокрые волосы облепили ее маленькую голову, кофта обвисла, и уже было непонятно, как она держится на узких плечах. За ней стояла Аня-Маня. Стояла так, как будто следила, чтобы мелкая не сбежала. Вспомнилось, как мелкую днем били.

– Чего она? – спросил Никита.

– Ты пойми, тут такое дело... – вновь заговорил Легыч, чуть запрокидывая голову, словно так ему было лучше видно.

– Ну давай, – пнула коленом мелкую Аня-Маня. Мелкая качнулась, поджала губы.

– Мы как лучше, – выдавил из себя красный. – Оно бы помогло...

– Я тебе сейчас дам – помогло! – Аня-Маня мгновенно перегнулась через мелкую и отвесила красному звонкий подзатыльник. Тот втянул голову в плечи. – А ну, говори! – снова пнула она коленом мелкую в сапогах.

Мелкая отвернулась. Красный шагнул вперед, открыл рот. Легыч коротко занес руку, показывая кулак. Красный выдохнул, опуская голову.

– Да что произошло?! – окончательно запутался Никита. Бить его не собирались, и то хорошо.

– Короче. – Легыч потер руки. – Они извиняются.

– Ну? – пнула мелкую Аня-Маня.

– Извиняемся, – поддакнула в сапогах.

– Похороны эти – чушь, короче, – вновь заговорил Легыч. – Фигню устроили. Напугали небось.

Никита неопределенно пожал плечом. Мелких он и не думал бояться.

– Ну вот, – вдруг улыбнулся Легыч. – Балбесы. Разыграли новенького. Ты ж небось после этого и уехать мог.

Вопрос с его приездом и отъездом волновал не только Пашу. Весь поселок скоро начнет ставки делать.

– Я тут недели на две, – буркнул Никита, скашивая себе половину срока. Услышал себя и вдруг понял, что это все равно много, что очень хочет уехать прямо сейчас. Как есть. В шлепанцах. Выбраться на дорогу, пройти ее всю, темную и раскисшую после ливня, оказаться на трассе, остановить машину. И чтобы она везла его куда угодно, лишь бы подальше от этих сумасшедших.

– Оставайся, – напомнил о себе Илья – весь разговор он стоял в стороне. – Это погода такая, дожди. Здесь, когда солнце, очень даже хорошо. Скоро квест. На Щучьем озере купаться можно. У тебя есть велосипед?

Про велосипед можно было и узнать. У дяди Толи наверняка есть. Второй раз до озера десять километров пешком топтать не хотелось. Хотя о чем он? Не поедет он вообще никуда!

– Я сегодня купался, – неуверенно отозвался Никита. – Вода такая... прозрачная.

– Ну вот, – чему-то все еще радовался Илья. – Ты, короче,

давай тут обживайся. А если надо, заходи.

– Куда?

– К Ленину. Видел в палисаднике? Вот там я и живу. А по вечерам мы все на комбинате. Я как освобождаюсь, сразу туда иду. Завтра придешь?

Никита почувствовал себя странно. Он никогда не был в центре внимания. Причем такого, когда настойчиво куда-то зовут. Он привык быть один. Один за себя и отвечать.

– А на малышню не злись, – напоследок сказал Илья, уже усаживаясь в седло велосипеда. – Игры у нас здесь такие.

Он поехал. Легыч тоже как-то быстро растворился в сумерках.

Аня-Маня последний раз пнула мелкую и пошла прочь. Мелкая гордо вскинула подбородок.

– Они все раскопали и кротика выбросили, – жестко произнесла она. – Но я думаю, помогло.

– Дождь идет, – буркнул красный.

– Пройдет. – Мелкая дернула плечом, но от влажности кофта словно приклеилась к ее телу. – Это же они не из-за него, а из-за Илюхи. Все думают, что если не ты, то он. Это не так! Если не ты, то никто!

Побрела прочь, шлепая большими сапогами. Красный тоже слился с сумерками.

Завтра все станет ясно. Всем. Но не Никите.

«Все хорошо?» – написала мама и прислала звездное небо. Никита глянул вверх. Сплошные облака. Он заходил

сегодня в соцсеть – никого, народ словно растворился, словно никого и не было в этом мире, даже одноклассников.

«Сплю», – ответил Никита и отправил лежащего на боку енотика.

Влага пробила прочную ткань толстовки, мурашками пробежала по спине, родив ощущение, что на него смотрят.

Точно! Смотрят!

Никита резко повернулся. От движения родилась злоба. Да что они все тут – за дурака его держат?! Рассказали сказку и теперь ждут, что он начнет бояться, кидаться ко всем за помощью? Или быстренько соберется, вызовет такси и умоляет домой?

Они именно этого и хотят! Чтобы он уехал. Пугают, а потом ждут. Не получится у них ничего. Не поедет он. Сдались ему местные психи! Хотят кротов с селедкой хоронить – пожалуйста! Мечтают клад откопать – сколько угодно! Грохнуться башкой с моста в водопад – дайте два! Он тут ни при чем. Он отдыхать приехал. Хочет бабка, чтобы он воды таскал в дождь – потаскает. Час-другой с водой – и он свободен. На комбинате местные вечером, а он будет днем. Там, говорят, есть еще одна разрушенность, чуть в стороне от общей свалки. Да и сам комбинат – дня три лазить можно.

Никита сунул руку в карман, нащупал монету. Ту самую, что незаметно отдал ему Паша. Холодная. Шершавая.

Может, его и правда за наивного держат, но он-то не такой. Пусть кто-то когда-то проклял Филиппа IV, но так то за

дело! Нечего на чужое добро зариться. Прокляли эту никому не нужную дыру – и правильно сделали! Никита тут ни при чем!

Он швырнул монету в темноту. И эта темнота тут же со-
ткалась фигурой.

Никита почувствовал, как от удивления у него отвисает челюсть, и еще в волосах шевельнулось что-то неприятно, словно они попытались подняться.

Фигура была с прилизанными волосами, с белым лицом, в длинном пиджаке. Черные брюки в сумерках делали его безногим. Правая рука медленно пошла вверх, сгибаясь в локте, пальцы сжались, подбородок уперся в кулак. Призрак как будто думал о чем-то. Но потом лениво махнул рукой, отвернулся и не спеша двинулся прочь.

Нет, это что? Это куда? Если призрак пришел за ним, то куда уходит? Никита же здесь стоит!

Хотя уже не стоит. Сам не заметил, как невольно пошел следом.

Призрак не ускорялся и не останавливался. Никита шел за ним по середине улицы. И все пытался заметить, как призрак переставляет ноги. Он отлично помнил, что Хозяин спустился по ступенькам в развалинах комбината. Но сейчас он как будто не шевелил нижними конечностями. Плыл в вязком воздухе, никак не давая понять, знает ли, что за ним идут.

Никита прибавил шаг, но расстояние между ними не уменьшалось. А потом призрак исчез. Распался на темноту.

Никита прошел еще несколько шагов. Остановился.

Они почти вышли из поселка. Справа за деревьями угадывался дом священника. Дом Невест... Дом Смерти...

Страх накатил внезапно. Вот ведь дурак! Ой, дурак! Призрак его за собой поманил – он и побежал, и теперь этот дом... Тут же все что угодно может быть. Доски пола провалятся, крыша съедет, дверью прихлопнет, в окно какая сила толкнет, сквозь стены злодей выглянет. Черная рука протянется, зеленые зубы покажутся, фиолетовый глаз подмигнет...

Треснула ветка.

Кто здесь?

Сразу стало холодно, по волосам погладил ветер. Никита перестал чувствовать собственное тело.

Зашуршало, словно кто-то лез сквозь кусты. Стихло.

Зрение сузилось. Никита вертел головой, вглядываясь в каждый предмет на дороге, и видел только фрагменты – вот ветка дерева, вот склонились кусты, вот на дорожке лужа, вот ветер согнул березу и теперь ясно видно розовое крыльцо дома, вот словно по крыше мелькнула тень.

Пробежали. Песок прохрустел под ногами. Никита крутанулся. Успел заметить – длинные волосы, что-то светлое.

Дом Трех Смертей! Вот как называла этот дом Хельга. У священника было три дочери!

Не выгонял его призрак, нет! Наоборот! Привел к нужному месту.

Все стало предельно четко и ясно. Сейчас он все поймет!

Никита рванул по еле заметной тропке к дому. В стороне затрещали ветки. Черт! Их же трое! Сестры.

Повернулся.

Шелестят мокрые тяжелые листья. Ветер над головой гоняет туда-сюда тяжелые туши крон. Светлый дом в темноте видится призрачным кораблем. Вот сейчас оторвется от земли и поплывет. Поплывет на Никиту.

Это было настолько явственно, что Никита попятился. Шлепанцы. Наступил сам на себя и упал.

Засмеялись.

Дом нависал, дом паялился на него тусклым окном.

Стекла звякнули, щелкнули задвижки. Невидимая рука толкнула створки окна. Никита увидел, как из темного еще потолка вывалилась люстра. Огромная. Стекланные висюльки. Вспыхнула, ослепив. Свет прокатился по стенам, прогоняя мрак, встряхнул обои, делая их яркими. Словно недавно наклеенными. Распахнулись двери. Вдалеке мелькнула фигура в светлом. Раздался смех.

– Смотри, смотри! Целуются! Ханна.

Взревела музыка. Простучали каблучки.

– Что же ты сидишь? Заходи!

Никита не сразу понял, что говорят ему. Из окна свешивалась девушка, круглолицая и румяная, темные волосы собраны в тугую прическу.

– Смотрит!

Засмеялась, откидываясь назад. Она кого-то там, в коридоре, заметила. Чуть нахмурила брови.

– Давай через окно, – шепотом предложила она, и Никита стал подниматься. Он уже ничего не помнил и не чувствовал. В груди сидело одно желание – из темноты и сырости, из грязи и непонятности попасть туда, где чисто и светло, где весело и ему рады. – Скорей, скорей, – манила девушка. У нее была полная белая рука. Рука...

Неправильно эта рука изгибалась. Не в локте, а как-то всеми костями от плеча к запястью.

Взгляд девушки застыл. Но из распахнутого рта еще лился смех. Неестественный. Жуткий.

Поначалу от звона в ушах показалось, что смех переливается как колокольчик. Но вот фыркнули, и смех превратился в самый обыкновенный.

– Ты что здесь делаешь?

Обернулся. Хельга. Волосы распущены, белая ветровка, узкое лицо будто светится. Взгляд пронзает. Ну чистое привидение!

– А ты?

Никита оглянулся на дом. Неужели она не видит, что в нем происходит?

Ничего не происходит. Дом был темен. Окно закрыто. Ни девушки, ни музыки, ни люстры. Никита коснулся ушей, словно проверяя, на месте ли.

– Я рядом живу, – Хельга показала в темноту. – Через до-

рогу. Услышала, что тут кто-то ходит.

Никита сел.

– Мне здесь нравится. – Она опустилась на корточки рядом и посмотрела на дом. – Он такой таинственный.

– А призраки?

Хельга в ответ засмеялась, прикрыв лицо рукой. В руке книга.

– Что это? – тупо спросил он. В голове стояла странная пустота, тела не чувствовал – где он, что с ним?

Хельга повернула книгу обложкой. Гора и летящая птица. Цапля. Шея длинная. Названия не видно.

Никита тупо смотрел на книгу.

– «Страна аистов». В библиотеке взяла. Вставай.

Она протянула руку, но Никита поднялся сам. Не хватало еще помощь от девчонки принимать. Стоял, отряхивался, искал потерянный шлепанец.

– Говорят, – улыбнулась Хельга, – что тебя сегодня мелкие напугали.

– Так сразу и «напугали»! – Страх ушел, в душе было пусто и слегка обидно – чего он повелся на все эти рассказы? Вот дурак! – Я ж вас не знаю. Может, вы тут каждый день кого-нибудь хороните. Правила такие.

Хельга пошла к дороге. Никита в который раз заметил, что у нее легкий шаг. Как у птицы.

– Нет никаких правил, – тихо произнесла она. – Все бояться проклятия. Вот и все.

Повернулась и неожиданно оказалась совсем близко. Почувствовав ее дыхание, Никита вдруг испугался, что Хельга его поцелует. Но девушка только пристально посмотрела ему в глаза и опять пошла вперед. Спросила:

– Ты не боишься?

Никита пожал плечами, фыркнул, спохватился, что всех его ужимок никто не видит. Ответил:

– Не знаю. Вроде оно и есть, а вроде и нет. Вам виднее. Оно ваше.

Хельга опять остановилась.

– А знаешь, – нерешительно начала она, – сила проклятия скоро закончится.

– Да? Так, может, больше никто и не умрет? – обрадовался Никита.

– Возможно. Но этого пока никто не знает.

Никита откашлялся. Что там она читает? Наверное, опять какие-то легенды.

– Пойдем, – позвала Хельга.

Никита никак не мог шевельнуться, ноги разучились сгибаться, в шлепанцах стало холодно.

– А эти... дочери священника – они тоже призраки? – спросил он, заставляя себя сдвинуться с места.

– Почему? Ты их видел?

– Раз хозяин комбината тут все проклял... может, их тоже?

Никита обернулся, но в темноте уже ничего было не раз-

глядеть. Только ветер шумел листво́й, недовольно что-то шепча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.